
Г 28 3/38

РЕФОРМЫ

Императора АЛЕКСАНДРА I

— и —

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ,

как представитель современнаго
русскаго общества.

В. Клитинъ.

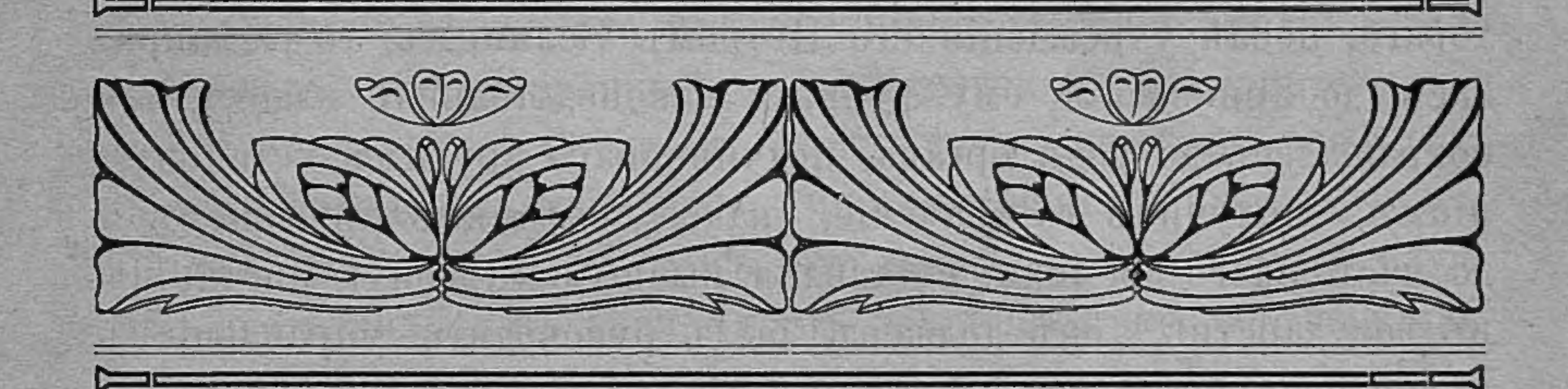
НОВОЧЕРКАССКЪ.
Типографія „Донской Печатникъ".
1912.

Источникъ: „Записки Ф. Ф. Вигеля“. ч.ч. I—IV (Рукопись и Русскій архивъ 1891 г. / т. II — 1892 г. / т. II)

Главныя пособія:

1. „Общественное движеніе въ Россіи при Имп. Александрѣ I“. А. Н. Пынинъ, СПБ., 1900 г.
2. „Жизнь гр. М. М. Сперанскаго“. Баронъ М. А. Корфъ, т. I (ч.ч. I—II). СПБ., 1861 г.
3. „М. М. Сперанскій и его государственная дѣятельность“. Ѳ. М. Дмитріевъ (Русскій архивъ 1868 г.).
4. „Русское государственное право“. Проф. Коркуновъ, т.т. I—II.

ВВЕДЕНІЕ.

Первая половина царствованія Императора Александра I (1801—1812) ознаменовалась рядомъ реформъ, направленныхъ къ коренному пересозданію государственнаго и общественнаго строя русской жизни на основѣ твердаго и для всѣхъ одинаковаго закона.

Однимъ изъ важныхъ предпріятій Императора Александра I въ области внутренней политики было преобразованіе высшаго центральнаго управленія.

Для разсмотрѣнія вопросовъ законодательнаго характера и наиболѣе важныхъ дѣлъ въ области администраціи и суда, вмѣсто „Негласнаго Совѣта", существовавшаго со временъ Императрицы Екатерины II, былъ установленъ Государственный Совѣтъ, какъ такое высшее центральное учрежденіе, „въ которомъ всѣ части управленія въ главныхъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются" [1]).

Взамѣнъ Петровскихъ коллегій были учреждены министерства, какъ болѣе совершенные органы центральной администраціи, образованные на началахъ единоличнаго управленія, съ функціями высшей исполнительной власти въ предѣлахъ отдѣльныхъ вѣдомствъ.

Учрежденіе Совѣта и министерствъ имѣло послѣдствіемъ преобразованіе Сената, прежнія права котораго частью пере-

---

[1]) Проф. Коркуновъ. „Русск. госуд. право" ч. II, стр. 61.

даны были первымъ двумъ органамъ. Сенатъ, компетенція котораго, послѣ учрежденія его Петромъ Великимъ, то расширялась до присвоенія ему функцій законодательной власти, то сокращалась до роли органа, подчиненнаго другимъ установленіямъ, получилъ то значеніе, какое сохранилъ въ общемъ и до настоящаго времени: составляя высшую судебную инстанцію въ государствѣ, онъ долженъ былъ руководить управленіемъ и контролировать его.

Для обсужденія дѣлъ, касавшихся нѣсколькихъ вѣдомствъ и превышавшихъ власть отдѣльныхъ министровъ, былъ учрежденъ Комитетъ министровъ, куда, кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію могли поступать для предварительнаго разсмотрѣнія и вопросы текущаго законодательства.

Реформы Императора Александра I коснулись и соціальнаго порядка дѣлъ—положенія и взаимныхъ отношеній разныхъ сословій въ государствѣ.

Указомъ 12 декабря 1801 г. даровавъ и государственнымъ крестьянамъ, наряду съ другими свободными состояніями, право пріобрѣтать землю въ собственность, Императоръ Александръ I сдѣлалъ первый рѣшительный приступъ и къ разрѣшенію вопроса о крѣпостномъ правѣ. На основаніи указа 20 февраля 1803 г., извѣстнаго подъ именемъ закона „о свободныхъ хлѣбапашцахъ", землевладѣльцы получили право по собственной иниціативѣ отпускать на волю своихъ крестьянъ цѣлыми обществами или отдѣльными семействами, надѣляя ихъ въ достаточномъ количествѣ землею въ полную собственность на условіяхъ, выработанныхъ по взаимному соглашенію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Въ тѣсной связи съ названными указами, направленными къ уравненію всѣхъ сословій передъ закономъ, должны быть поставлены и два указа, которые послѣдовательно были изданы въ 1809 году: одинъ—3 апрѣля, другой—6 августа.

Первый указъ былъ направленъ противъ сословной знати. Этотъ указъ, сохранивъ придворныя званія камергеровъ и камеръюнкеровъ, какъ только почетныя отличія, лишилъ ихъ сопряженныхъ съ ними правъ и преимуществъ, если облеченныя ими лица на самомъ дѣлѣ не несли никакихъ служебныхъ обязанностей.

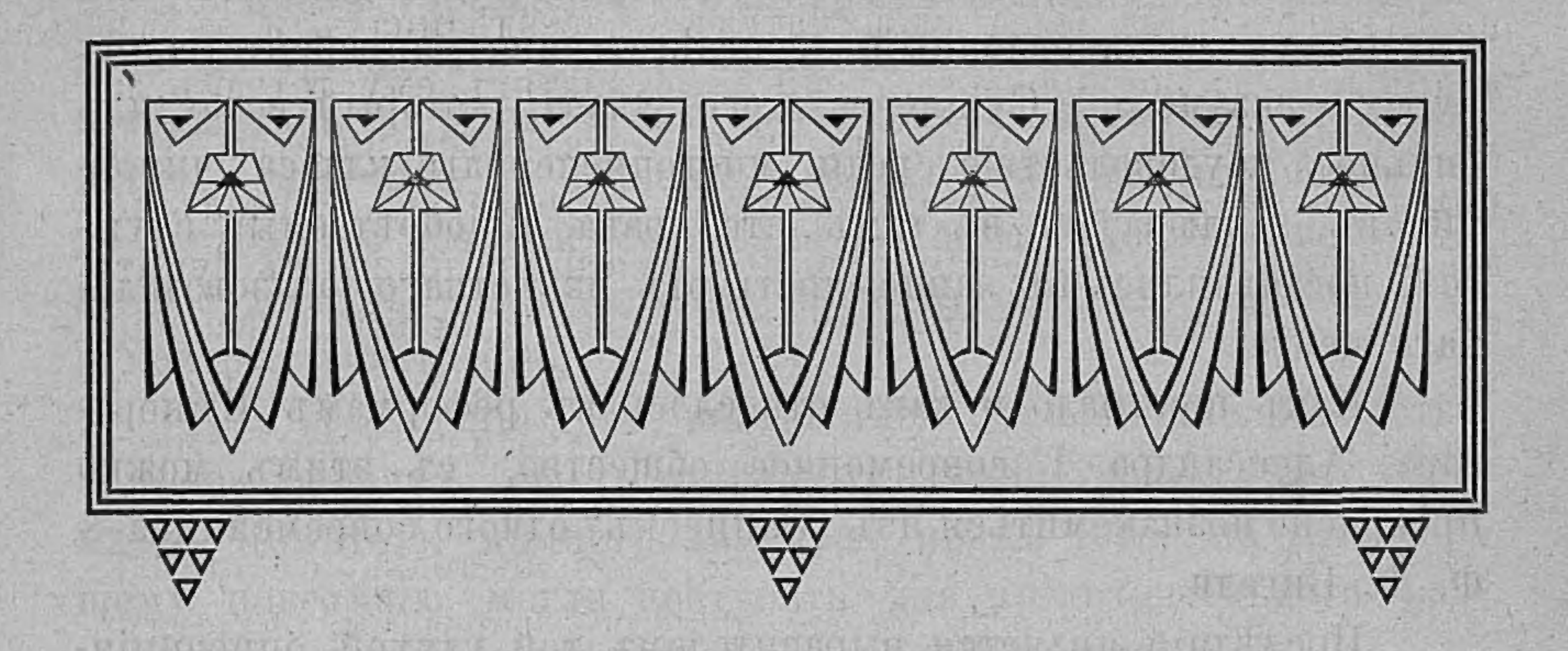
Въ силу второго указа чины коллежскаго асессора (8-го класса) и статскаго совѣтника (5-го класса) могли быть полу-

чаемы только тѣмъ, кто имѣлъ университетскій дипломъ или выдержалъ установленный, соотвѣтственно университетскому курсу, экзаменъ. Сущность этого указа, который возбудилъ сильное неудовольствіе среди многочисленнаго класса чиновниковъ, заключалась въ томъ, что права, пріобрѣтаемыя службой, поставлялись въ зависимость отъ извѣстнаго образовательнаго ценза.

Какъ понимало и какъ отнеслось къ реформамъ Императора Александра I современное общество, съ этимъ можно прекрасно познакомиться изъ „Записокъ“ одного современника— Ф. Ф. Вигеля.

Послѣдній является выразителемъ той глухой оппозиціи, какая обнаружилась противъ нововведеній Имп. Александра I въ современномъ русскомъ обществѣ. Во взглядахъ Вигеля, въ тенденціозномъ освѣщеніи имъ современныхъ событій, въ своеобразной характеристикѣ дѣйствующихъ на аренѣ общественно-политической дѣятельности лицъ, можно видѣть отраженіе толковъ и взглядовъ значительной части современнаго русскаго общества. Глубоко проникнутые старыми традиціями, слишкомъ привязанные личными и сословными интересами къ старому порядку, современники сплошь и рядомъ не были способны понять цѣлесообразность и необходимость реформъ, предпринятыхъ Императоромъ Александромъ I, и потому отнеслись къ нимъ весьма несочувственно и даже враждебно, встрѣтивъ водворяемый ими въ области государственнаго управленія и соціальныхъ отношеній новый порядокъ дѣлъ жалобами и порицаніями.

О личности Вигеля и характерѣ его „Записокъ".

Что касается исторической достовѣрности „Записокъ" Вигеля, интересно привести сужденіе о Вигелѣ и его „Запискахъ", какое нѣкогда было высказано кн. Вяземскимъ. „Записки" Ф. Ф. Вигеля—любопытное и драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей народной и общежитейской литературы. Онѣ написаны умно и мѣстами художественно; есть живость и увлекательность въ разсказѣ, въ картинахъ и портретахъ, нерѣдко бойкою кистію схваченныхъ. Вотъ хорошая лицевая сторона этихъ „Записокъ." Но есть въ нихъ и важный недостатокъ: должно читать ихъ, слѣдуетъ довѣрять имъ съ большою осторожностью. Вигель самъ не принадлежалъ къ числу дѣятелей эпохи, имъ описываемой; за нѣкоторыми исключеніями, не былъ онъ съ ними ни въ связи, ни въ сношеніи. Однимъ словомъ, былъ онъ внѣ дѣйствующей и вліятельной среды. Многое разсказано имъ по городскимъ слухамъ, сплетнямъ, кривымъ толкамъ судей, непризванныхъ и мало свѣдущихъ. Ничего у него не провѣрено, не изслѣдовано критически. Авторъ имѣлъ замѣчательный природный умъ. Онъ имѣлъ даже мягкое, доброе сердце; но раздражительный, щекотливый нравъ его портилъ въ немъ дары природы. Во многихъ отношеніяхъ узкость понятій, мелкое чиновничество, доводившее самолюбіе его до малодушія, затме-

вали свѣтлый умъ его. Способный любить и уважать достойныхъ людей, онъ былъ злопамятенъ въ бездѣлицахъ и за бездѣлицы. Онъ не прощалъ, если не отплатятъ ему тотчасъ же визита его, если нарушатъ въ немъ права мѣстничества, т. е. посадятъ его за столомъ не на мѣсто, которое онъ считалъ подобающимъ чину его, если при посѣщеніи продолжаешь курить сигару, которой не переносили его слабые и причудливые нервы. Все это вносилось имъ въ книгу расчетовъ и обязательствъ, по которымъ онъ рано или поздно производилъ свои взысканія и накладывалъ пени на провинившихся передъ нимъ. Въ теченіе жизни онъ неоднократно ссорился не только съ отдѣльными лицами, но съ цѣлыми семействами, городами, областями и народами. Не претерпѣвшій никогда особеннаго несчастія, онъ былъ несчасливъ самъ по себѣ и самъ отъ себя. Можно сказать, что при обстоятельствахъ, довольно благопріятныхъ, онъ болѣзненно прошелъ жизнь свою, безпрестанно уязвляемый иглистыми терніями и булавками, которыми онъ самъ усыпалъ дорогу свою. Все это отражается въ „Запискахъ" его и лишаетъ ихъ того здраваго и внушающаго довѣренность характера, который составляетъ прямое и главное достоинство историческихъ и личныхъ записокъ" [1]).

Приведенное мнѣніе кн. Вяземскаго особенно цѣнно потому, что оно принадлежитъ человѣку, который жилъ и дѣйствовалъ въ одно время съ Вигелемъ и слѣдовательно могъ знать его.

Такое же въ общемъ заключеніе о характерѣ самого Вигеля и его „Записокъ" можно вывести и на основаніи анализа содержанія послѣднихъ.

Въ своихъ „Запискахъ" Вигель не возвышается надъ прожитымъ временемъ настолько, чтобы отнестись къ нему съ безпристрастіемъ и объективностію. „Записки" имѣютъ очевидную цѣль—послужить благодарнымъ прославленіемъ для одного разряда лицъ и мстительнымъ порицаніемъ для другого. Къ первымъ принадлежатъ его родственники, друзья и единомышленники, ко вторымъ—всѣ остальные.

Какъ на примѣръ такого пристрастія Вигеля, можно указать на тѣ строки, которыя относятся къ извѣстному своимъ благородствомъ, умомъ и независимостію характера А. А. Столыпину и имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, періодъ его

---

[1]) Русскій арх. 1866 г. стр. 219—220. Ср. „Справочн. словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст. ст." Геннади.

жизни и службы въ Пензѣ. Въ книгѣ барона Корфа приведено немало данныхъ, которыя представляютъ личность А. А. Столыпина въ высшей степени почтенной [1]) Но другъ Сперанскаго и будущій сенаторъ, А. А. Столыпинъ, занимая должность губернскаго прокурора въ Пензѣ и по долгу службы не разъ выступая съ протестомъ по поводу злоупотребленій административной власти, оказался въ числѣ членовъ оппозиціи противъ отца Вигеля, въ бытность его Пензенскимъ губернаторомъ. Пылая жаждою мести и чувствомъ негодованія, авторъ „Записокъ" не находитъ ничего столь худого и порицательнаго, чего бы не рѣшился высказать о физическихъ и нравственныхъ качествахъ и дѣятельности этого достойнаго и просвѣщеннаго человѣка [2]), Какъ ни много нужно имѣть смѣлости, чтобы покушаться на чужую добрую репутацію, но Вигель доказалъ, что можно быть еще смѣлѣе. Онъ покушается на чужую славу, которой во всякомъ случаѣ никакъ нельзя отнять у кого-нибудь втихомолку или подарить кому-либо тайкомъ. Такъ поступаетъ Вигель съ извѣстною побѣдою гр. Каменскаго при Сефварѣ, побѣдою, которою заключилось наше завоеваніе Финляндіи и за которою послѣдовалъ мирный трактатъ. Вигель отнимаетъ эту побѣду у гр. Каменскаго и даритъ ее своему зятю, малоизвѣстному генералу Алексѣеву [3]).

При чтеніи „Записокъ" Вигеля не трудно замѣтить, какимъ густымъ слоемъ положенъ на нихъ колоритъ личнаго характера. Между тѣмъ личный характеръ автора „Записокъ" вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ жизни сложился такъ, какъ нельзя пожелать ни для какого разсказчика о событіяхъ своего времени.

Такое мнѣніе о характерѣ Вигеля подтверждается и біографическими указаніями изъ его жизни, находимыми въ его же „Запискахъ".

Сынъ небѣднаго и довольно чиновнаго отца, закончившаго свою служебную карьеру должностью Пензенскаго гражданскаго губернатора, Вигель правильнаго воспитанія и образованія не получилъ.

---

[1]) Бар. Корфъ „Жизнь гр. Сперанскаго" ч. I стр. 81—83, 278—283 Ср. Брокгаузъ и Ефронъ. „Энциклоп. слов". т. 62, стр. 686.

[2]) Виг. Зап. I, XVIII, 208—215. Ср. „Московскія Вѣдомости" 1864 г. № 107.

[3]) Виг. Зап. III, VI, 63—64. Ср. „Чтенія въ общ. исторіи и древностей россійск". 1873 г. № 2, стр. 59—76 Русскій арх. 1870 г. № 2. стр. 335—352,

Первымъ его учителемъ по псалтири и часослову былъ крѣпостной человѣкъ, вторымъ—гувернеръ нѣмецъ, по фамиліи Мутъ, человѣкъ, по отзыву Вигеля, дѣльный и знающій, но онъ не могъ научить его многому, такъ какъ оставилъ ученика въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ. Послѣ нѣкотораго періода совершенно празднаго времяпровожденія Вигелю представлялась возможность чрезъ посредство своего зятя Алексѣева, бывшаго адъютантомъ при фельдмаршалѣ гр. Салтыковѣ, поступить въ домъ этого послѣдняго для совмѣстнаго обученія съ его сыномъ. Но предварительно онъ долженъ былъ выдержать испытаніе относительно манеръ и знанія французкаго языка. Испытаніе кончилось не въ его пользу, и онъ былъ оскорбительно забракованъ. Тогда его отдали въ французскій пансіонъ г-на Форсевиль въ Москвѣ, но и отсюда, не успѣвъ ничему научиться, онъ очень скоро съ новымъ уязвленіемъ для самолюбія и отчасти даже со скандаломъ былъ уволенъ за нѣжное посланіе къ одной изъ пансіонерокъ.

Послѣ промежутка новаго праздношатанія Вигель заботой своихъ родителей былъ помѣщенъ въ домъ вельможнаго и опальнаго кн. Голицына, жившаго въ одной изъ малороссійскихъ деревень своихъ, для обученія вмѣстѣ съ его дѣтьми. Здѣсь онъ имѣлъ удачу въ первый разъ научиться чему-нибудь по части русскаго языка, подъ руководствомъ извѣстнаго баснописца И. А. Крылова, бывшаго въ ту пору приживальщикомъ у кн. Голицына. Но даже и этотъ человѣкъ, „съ своей змѣиной мудростью и съ своей наклонностью къ человѣкоугодію“, не упускалъ случая уязвлять самолюбіе Вигеля, „напоминая ему о почтеніи, коимъ онъ былъ обязанъ ребятамъ, молодымъ князькамъ“, его сверстникамъ. Что касается до другихъ частей человѣческаго знанія, въ домѣ кн. Голицына онѣ были въ крайнемъ пренебреженіи; „о томъ, что отзывалось просвѣщеніемъ, въ вельможномъ домѣ не любили даже бесѣдовать“. Вигель говоритъ, что, бывши ученикомъ Крылова и живя съ нимъ въ одномъ домѣ, онъ не имѣлъ понятія о томъ, что Крыловъ—знаменитый писатель, потому что въ домѣ кн. Голицына ни о чемъ близкомъ къ этому предмету никогда не было даже и рѣчи. Отцу молодыхъ князей болѣе всего желалось видѣть ихъ всѣхъ „молодцами“; потому главное вниманіе было обращено только

на то, что способствуетъ развитію тѣла. „Малымъ ребятамъ это нравилось, и они преуспѣвали не по лѣтамъ“.

„Случилось такъ, говоритъ авторъ „Записокъ“, что въ семъ же домѣ (съ горестью долженъ въ томъ признаться) въ первый разъ познакомися я съ идеями порока и разврата. Опасность явилась съ той стороны, откуда ее менѣе всего можно было ожидать. Старшій изъ моихъ маленькихъ товарищей, моложе меня, заговорилъ со мной такимъ языкомъ, который сначала показался мнѣ непонятенъ; я покраснѣлъ отъ стыда и ужаса, когда его понялъ, но вскорѣ потомъ началъ слушать его съ удовольствіемъ“[1]).

Главный надзорь въ этомъ домѣ надъ физическимъ и моральнымъ развитіемъ юнаго поколѣнія былъ ввѣренъ нѣкоему французу, по фамиліи Шевалье-де-Роленъ-де-Бельвиль.

Нельзя пройти безъ вниманія той методы, которой пользовался этотъ эмиграціонный выбросокъ французской революціи для образованія своихъ питомцевъ. Эта метода, по словамъ Вигеля, прилагалась, по крайней мѣрѣ, къ половинѣ благороднаго россійскаго юношества. У автора „Записокъ“ она изображается такъ: „Кто бы могъ повѣрить? Другой соблазнитель мой былъ самъ гувернеръ Шевалье-де-Роленъ-де-Бельвиль, французскій подполковникъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Не слишкомъ молодой, умный и весьма осторожный, сей повѣса старался со всѣми быть любезенъ и умѣлъ всѣмъ нравиться, старымъ и молодымъ, господамъ и даже слугамъ. Обхожденіе его со мною съ самой первой минуты меня плѣнило. Во время нашихъ прогулокъ, которыя начались съ открывшейся весной, онъ часто меня забавлялъ остроумною болтовней; объ отечествѣ своемъ говорилъ, какъ всѣ французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ и съ состраданіемъ болѣе, чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ. Мало-по-малу пріучилъ онъ меня видѣть во Франціи прекраснѣйшую изъ земель, вѣчно озаренную блескомъ солнца и ума, а въ ея жителяхъ избранный народъ надъ всѣми другими поставленный. Революціонеры, новые Титаны, по словамъ его, только временно овладѣли симъ Олимпомъ, но, подобно имъ, будутъ низвергнуты въ бездну. При словѣ „религія“ онъ съ улыбкой потуплялъ глаза, не позволяя себѣ однакоже ничего противъ нея говорить. Онъ познакомилъ меня съ именами (не съ сочиненіями) Расина,

---

1) Вигель Зап. I, XIV, 129.

Мольера и Буало, о которыхъ я, къ стыду моему, дотолѣ не слыхивалъ, и возбудилъ во мнѣ желаніе ихъ прочесть. Посреди сихъ разговоровъ вдругъ началъ онъ заводить со мною нескромныя рѣчи и разсказывать самые непристойные, даже отвратительные анекдоты. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: я такъ уже привыкъ въ него вѣровать, что стыдился своего стыда, а онъ, злодѣй, наслаждался моимъ смятеніемъ. Еще пріятнѣе было ему видѣть, какъ постепенно исчезала моя робость и умножалось безстыдство. Какая была цѣль его? Просто, въ этихъ людяхъ есть нѣчто демонское. Когда между французами таковы были поборники вѣры и законнаго правительства, то что же такое были ихъ противники?“ [1]). Въ послѣднихъ словахъ авторъ „Записокъ“ высказываетъ убѣжденіе, что революціонная часть французскаго общества была безнравственнѣй и вообще испорченнѣй той, „которая унесла свои вавилонскія безпутства въ эмиграцію“.

Въ домѣ кн. Голицына Вигель оставался ровно десять мѣсяцевъ и тѣмъ закончено было его элементарное образованіе. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ отправленъ на попеченіе старшаго брата въ Петербургъ для опредѣленія на службу.

Съ этой поры для Вигеля начинается рядъ непріятностей и неудачъ, болѣе серьезныхъ, по ихъ курьезности иногда имѣвшихъ почти сказочный характеръ.

Сначала, хотя не безъ горькихъ униженій, ему удалось получить мѣсто при Московскомъ архивѣ иностранной коллегіи. Служба въ этомъ учрежденіи въ то время имѣла случайное и временное значеніе, и ея добивались молодые люди, составлявшіе цвѣтъ тогдашняго благороднаго юношества.

Но наступило царствованіе Императора Александра I, „время всеобщаго оживленія, блестящихъ надеждъ и смѣлыхъ преобразованій по всѣмъ частямъ управленія“. Цвѣтъ молодого дворянскаго поколѣнія устремился въ Петербургъ, чтобы примкнуть къ преобразовательной дѣятельности. Соблазнился и Вигель. „Увы, несчастный!“ восклицаетъ онъ по этому случаю: „зачѣмъ увлекся я общею молвою!“ Первою обманутою надеждою его было удаленіе отъ дѣлъ вице-канцлера кн. Куракина, который обѣщалъ и долженъ былъ устроить судьбу его.

Вигель возбудилъ ходатайство о поступленіи на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, „министромъ котораго былъ гр.

[1]) Виг. Зап. I, XIV, 129—130.

Кочубей, но дѣйствительнымъ распорядителемъ дѣлъ являлся Сперанскій". Министерство внутреннихъ дѣлъ еще въ эпоху перваго образованія министерствъ было преимущественно „созданіемъ " Сперанскаго; поэтому болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, онъ хотѣлъ имѣть въ немъ дѣльныхъ людей и неутомимыхъ работниковъ, какими не считалъ благородныхъ юношей съ образованіемъ Вигеля; въ ходу были воспитанники Московскаго университета и духовныхъ академій; словомъ, ходатайство Вигеля как разъ пришлось къ тому времени, когда, по его замѣчанію, не лишенному затаенной горечи, „уже было замѣтно составившееся намѣреніе всѣхъ, не воспитанныхъ въ канцеляріяхъ, въ семинаріяхъ университетѣ, не допускать къ должностямъ" [1]). Сперанскій, впрочемъ, не отказалъ просителю, а сдѣлалъ гораздо хуже и унизительнѣе для него. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, именно при его экспедиціи государственнаго благоустройства, предполагалось образовать статистическое отдѣленіе. Вигелю было объявлено, что онъ можетъ считать себя причисленнымъ къ этому отдѣленію.

Курьезъ, послѣдовавшій за этимъ причисленіемъ, предоставляемъ объяснить самому Вигелю: „Что потомъ со мной случилось, говоритъ онъ, того уже, вѣрно, никогда ни съ кѣмъ не бывало: мистификація, которая болѣе двухъ лѣтъ продолжалась. Мнѣ объявилъ Сперанскій, что я могу почитать себя причисленнымъ къ департаменту, что онъ далъ о томъ приказаніе, но что ходить въ него мнѣ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ ближе шести мѣсяцевъ статистическое отдѣленіе образоваться не можетъ. Не знаю, хотѣлъ ли онъ меня обманывать, или пренебрегалъ формами, или по множеству важныхъ дѣлъ забылъ о томъ; какъ бы то ни было, я ему повѣрилъ и два года былъ въ отставкѣ, когда и я самъ и всѣ считали меня въ службѣ. Что всего страннѣе, я лѣтомъ началъ ходить въ экспедицію, кое-чѣмъ занимался тамъ, и никто не сыскался, кто бы предупредилъ меня, что я дурачусь" [2]). Мистификація могла бы длиться и долѣе, хотя и безъ того длилась слишкомъ два года; но Вигелю потребовался паспортъ для отлучки въ отпускъ, и Сперанскій объяснилъ ему, что паспортъ—лишняя формальность, и что онъ можетъ ѣхать самъ по себѣ, куда угодно и насколько угодно. Вигель такъ и сдѣлалъ и только,

[1]) Виг. Зап. II, V, 57.
[2]) Ibid. II, V, 30.

по возвращеніи уже изъ отпуска, догадался подать формальную просьбу объ опредѣленіи на службу.

Новое увлеченіе Вигеля было для него причиной другой унизительной неудачи. Въ то время (1805 г.) было задумано отправить въ Китай великолѣпное посольство, подъ начальствомъ гр. Головкина. Многіе благородные юноши считали для себя лестнымъ принять въ немъ участіе. Вигель въ числѣ другихъ былъ принятъ въ составъ посольства и претерпѣлъ всѣ трудности чрезвычайнаго дальняго путешествія. Но на самой границѣ Китая чрезвычайный посолъ нашъ долженъ былъ торговаться съ дипломатами Китайской имперіи объ ограниченіи его многочисленной свиты; ихъ пугала эта многочисленность, по ихъ мнѣнію, совершенно ненужная. „Послу, замѣчаетъ Вигель, стоило только безъ малѣйшихъ для себя униженія и опасности нѣсколько сократить свой конвой, и дѣло уладилось бы". Но онъ предпочелъ отбросить человѣкъ семь изъ своей собственно дипломатической свиты, и въ томъ числѣ Вигеля, которому въ добавокъ къ душевной горечи пришлось испытать еще на возвратномъ пути всѣ ужасы сибирской зимы.

Въ награду за столько труда и терпѣнія Вигель по возвращеніи былъ встрѣченъ Сперанскимъ такъ холодно, что ничего отъ него не удостоился услышать, кромѣ разрѣшенія ходить къ прежнимъ занятіямъ. Но что же это были за занятія? Требованія Вигеля были не велики: ему хотѣлось имѣть хоть какое-нибудь штатное мѣсто, хоть какое-нибудь дѣло, которое бы прямо лежало на его отвѣтственности и избавляло бы его отъ тяжелаго чувства своей безполезности.

Отчаявшись достигнуть чего-нибудь подобнаго при Сперанскомъ, онъ пытался искать счастья въ другихъ мѣстахъ и при другихъ лицахъ. Но тѣ же неудачи преслѣдовали его повсюду и самымъ дразнящимъ образомъ. Иногда казалось, будто чаша совершенно подносилась къ его губамъ; но ее вырывали въ то самое время, когда оставалось только выпить. Авторъ „Записокъ" то поступалъ въ учрежденіе, которое по представленію Сперанскаго вдругъ закрывалось или преобразовывалось, то ему брались оказывать содѣйствіе лица, которыя вчера еще были въ силѣ и занимали первыя мѣста, а сегодня, когда слѣдовало устроиться благосостоянію Вигеля, вдругъ теряли свои мѣста вмѣстѣ съ своею силою, и опять таки по вліянію Сперанскаго и вслѣдствіе его преобразовательныхъ про-

ектовъ. Нѣтъ нужды исчислять въ частности всѣ неудачи Вигеля; но ихъ по справедливости можно назвать безчисленными.

Въ довершеніе всего самолюбіе Вигеля, какъ и многихъ тысячъ другихъ людей одинаковаго съ нимъ положенія, точно громовымъ ударомъ, было поражено двумя упомянутыми выше указами 1809 г.; особенно указъ 6 августа долженъ былъ оказаться чувствительнымъ для массы Вигелей. Авторъ „Записокъ“ былъ въ это время за свою службу въ Московскомъ архивѣ коллежскимъ асессоромъ. Слѣдовательно, даже и при удачѣ и при полученіи штатнаго мѣста, предѣломъ его честолюбія былъ чинъ коллежскаго совѣтника.

1812-й годъ засталъ Вигеля въ Пензѣ въ отпуску, по случаю смерти отца, и онъ опредѣленъ былъ губернаторскою властью членомъ отъ правительства въ комитетъ по формироварію мѣстнаго ополченія. Скромное желаніе Вигеля сдѣлаться штатнымъ чиновникомъ такъ и не получило пока исполненія.

1812-мъ годомъ окончилась эпоха внутреннихъ преобразованій, предпринятыхъ Александромъ I, и главный виновникъ ихъ—Сперанскій былъ удаленъ въ ссылку. Для Вигеля наступила, по его собственнымъ словамъ, „пора жизни болѣе дѣятельной и не совсѣмъ безполезной, какъ было дотолѣ“. Вигель, хотя и не совсѣмъ безъ непріятностей, подвигаясь все болѣе и болѣе впередъ по службѣ, окончилъ свою карьеру должностью директора департамента духовныхъ дѣлъ и чиномъ тайнаго совѣтника въ отставкѣ.

Неудачи, начиная съ ранняго дѣтства, преслѣдовали Вигеля (1786—1856 г.) особенно въ тотъ періодъ возраста, когда, обыкновенно, устанавливается духовный складъ человѣка. Будь Вигель человѣкомъ безъ всякаго самолюбія, безъ особенныхъ претензій, безъ увѣренности въ своихъ способностяхъ, изложенныя обстоятельства и тогда не могли бы не поселить въ немъ чувства озлобленія. Но въ немъ было и то, и другое, и третье и въ весьма значительномъ размѣрѣ. Потому испытанныя неудачи, падая главнымъ образомъ на то время, когда происходили внутреннія реформы и во весь разгаръ кипѣла дѣятельность Сперанскаго, должны были глубоко влiять на характеръ автора „Записокъ“.

Не трудно понять, въ какую сторону должны были направиться его антипатіи, на какіе предметы и лица должно было распространиться его нерасположеніе.

Источникомъ всѣхъ его униженій и оскорбленій былъ духъ новизны, воплощенный въ Сперанскомъ. Этотъ духъ всегда долженъ былъ казаться ему демономъ, противъ котораго онъ всю жизнь и велъ борьбу.

Вигель является противникомъ прогресса, въ какой бы области онъ ни проявлялся.

Въ области литературы такое мнѣніе, напримѣръ, вполнѣ подтверждается взглядомъ Вигеля на Гоголя. „Малорослый Малороссъ въ своихъ комедіяхъ и повѣстяхъ, говоритъ Вигель, не выводя на сцену ни одного честнаго русскаго человѣка, предалъ насъ всеобщему поруганію въ лицахъ (по большей части, вымышленныхъ) нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. И за то, о Боже, половина Россіи провозгласила циника сего великимъ!“ [1]).

Н. В. Гоголь, его „смѣхъ сквозь слезы“ и реалистическое направленіе въ литературѣ служатъ для пониманія Вигеля геркулесовыми столбами, за которые своимъ узкимъ умомъ онъ не переходитъ.

Въ своихъ сужденіяхъ относительно явленій общественно-политической жизни Вигель доходитъ иногда до чего-то фантастическаго, невѣроятнаго, вызывающаго вмѣстѣ и смѣхъ и жалость.

Поразительнымъ примѣромъ тому служитъ то мѣсто „Записокъ“, которое относится къ характеристикѣ Пензенскаго общества, въ первой четверти прошедшаго столѣтія. Отецъ Вигеля, въ должности Пензенскаго губернатора, встрѣтилъ въ Пензѣ со стороны нѣкоторыхъ членовъ мѣстнаго общества слабую оппозицію. Она была вызвана, главнымъ образомъ, дѣйствіями того самаго правителя губернаторской канцеляріи А., о которомъ Вигель самъ же отзывается, какъ о человѣкѣ „крайне зловредномъ и достойномъ каторги“. Однако, авторъ „Записокъ“, спустя уже нѣсколько лѣтъ, не можетъ спокойно вспомнить о томъ, „что происходило въ Пензѣ во время управленія Пензенской губерніей отца его“, и своимъ разстроеннымъ воображеніемъ „бурю въ стаканѣ воды“ принимаетъ за отголосокъ французской революціи, „разрушительныя идеи которой, по словамъ его, нашли въ Пензѣ самую удобную почву для воспріятія.

---

[1]) Виг. Зап. III, X. 146.

„Пусть смѣются надо мной, говоритъ Вигель, а въ низкихъ и глупыхъ безпорядкахъ Пензы я и доселѣ вижу глухой, невнятный отголосокъ 1789 года. Только послѣ двуекратнаго посѣщенія нами Парижа въ 1814 и 1815 годахъ, страшные звуки его начали становиться у насъ понятнѣе и яснѣе. Но какъ либерализмъ и безвѣріе такъ рано забрались въ такое захолустье, когда ни въ Кіевѣ, ни въ Петербургѣ и Москвѣ я, по крайней мѣрѣ, объ нихъ и не слыхивалъ?... Въ нечестивой Пензѣ услышалъ я въ первый разъ насмѣшки надъ религіей, хулы на Бога, эпиграммы на Богородицу отъ такихъ людей, которые были совершенные неучи“... [1]). „Я не хочу быть пророкомъ, прибавляетъ авторъ „Записокъ“, но, судя о будущемъ по прошедшему и настоящему, и теперь увѣренъ въ душѣ моей, что, еслибъ когда-нибудь (помилуй насъ Боже) до дна расколыхалась Россія, еслибъ западные вѣтры надули на нее свирѣпую бурю, то первые ея валы воздыматься будутъ въ Пензѣ. Во время Пугачевскаго бунта вѣроломствомъ и жестокостью никто не превзошелъ ея жителей; въ 1812 году изъ всѣхъ ополченій одно только Пензенское возмутилось въ самую минуту выступленія противъ непріятеля“. [2])

Въ своей нетерпимости ко всякому прогрессивному движенію въ области мысли и жизни, ко всему, что отзывалось анализомъ существовавшаго порядка, Вигель отрицательно относится и къ тѣмъ внутреннимъ реформамъ, которыя составляютъ славу царствованія Императора Александра I. подвергая несправедливой критикѣ, какъ самыя преобразованія, такъ и главныхъ дѣятелей на поприщѣ ихъ.

---

[1]) Виг. Зап. I, XVIII, 215.
[2]) Ibid I. XVIII, 216.

Главные сотрудники преобразовательныхъ начинаній Императора Александра I.

Первоначальную преобразовательную дѣятельность Имп. Александра I Вигель прежде всего связываетъ съ именемъ пяти молодыхъ, „едва достигшихъ зрѣлости“, совѣтниковъ.

Старшимъ изъ нихъ былъ Новосильцовъ, сынъ побочной сестры гр. А. С. Строганова.

Во время неоднократнаго путешествія за границу онъ былъ совершенно обвороженъ Англіей. „Въ ней только могла утолиться жажда его къ познаніямъ, какъ всякаго другого рода его жажда. Тамъ увидѣлъ онъ, что великій развратъ не мѣшаетъ быть великимъ человѣкомъ, и, кажется, Фокса взялъ онъ себѣ за образецъ. Отчизну портера и эля, гдѣ не родятся, а льются мадера и портвейнъ, гдѣ опрятность и роскошь у самыхъ грубыхъ наслажденій отнимаютъ все, что есть въ нихъ отвратительнаго, сію землю въ тайнѣ сердца избралъ онъ своимъ отечествомъ“ [1]) Вигель, отмѣчая, какой стороной жизни Англія была особенно привлекательна для Новосильцова, бросаетъ неблагопріятную тѣнь на самую личность его и выражаетъ подозрѣніе, что онъ, принимая участіе въ реформахъ, руководился не совсѣмъ чистыми побужденіям.

Арміи подполковникъ, жившій въ отставкѣ, Новосильцовъ тотчасъ, по вступленіи на престолъ Александра I, былъ призванъ ко двору и сдѣланъ камергеромъ и статсъ-секретаремъ. Молодой Государь видѣлъ въ немъ умнаго, способнаго и свѣдущаго сотрудника, веселаго и пріятнаго собесѣдника, преданнаго и откровеннаго друга, болѣе всѣхъ другихъ полюбилъ его и помѣстилъ у себя во дворцѣ.

Самымъ заслуженнымъ и чиновнымъ былъ гр. Кочубей.

Совсѣмъ молодымъ началъ онъ службу въ Лондонской миссіи, подъ руководствомъ искуснаго дипломата, посланника нашего гр. Воронцова. Первыми быстрыми успѣхами на служебномъ поприщѣ гр. Кочубей былъ исключительно обязанъ своему знаменитому дядѣ, канцлеру князю Безбородко, который въ короткое время успѣлъ доставить своему племяннику графское до-

[1]) Виг. Зап. II, I, 6.

стоинство и званіе вице-канцлера. Оставшись одинъ безъ дяди, онъ не могъ долго удержаться на своемъ посту и скоро былъ сосланъ Имп. Павломъ I въ деревню.

Возвращенный изъ ссылки Имп. Александромъ I, гр. Кочубей, которому было тогда немного больше тридцати лѣтъ, пренебрегъ своими дипломатическими занятіями и, вооруженный обильнымъ запасомъ знаній по части политическаго устройства Англіи, рѣшилъ посвятить себя дѣлу внутренняго преобразованія Россіи.

Человѣкъ весьма сомнительныхъ нравственныхъ качествъ, гр. Кочубей, по словамъ Вигеля, обладалъ замѣчательнымъ искусствомъ казаться такимъ, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ не былъ. „Красивая наружность, иногда молчаливая задумчивость, испытующій взглядъ, надменная учтивость были блестящими завѣсами, за кои искусно пряталъ онъ свои недостатки, и имя государственнаго человѣка принадлежало ему, когда еще ничѣмъ онъ его не заслужилъ". [1]) Главнымъ и исключительнымъ побужденіемъ для гр. Кочубея въ его дѣятельности служило, по мнѣнію Вигеля, въ сильной степени развитое чувство честолюбія. „Предъ соотечественниками ему было, чѣмъ блеснуть: онъ лучше другихъ зналъ составъ парламента, права его членовъ, прочиталъ всѣхъ англійскихъ публицистовъ и, какъ львенокъ Крыловой басни, собирался учить звѣрей вить гнѣзда" [2]).

Третьимъ сотрудникомъ молодого Государя былъ кн. Адамъ Чарторыйскій, съ малолѣтства напитанный чувствомъ жесточайшей ненависти къ Россіи, „плодъ чудовищнаго союза русскаго Олоферна и польской Юдиѳи—нашего посла въ Варшавѣ кн. Рѣпнина и извѣстной польской патріотки".

Чарторыйскій умѣлъ угодить и заслужить расположеніе Александра, когда тотъ былъ еще наслѣдникомъ престола, а онъ состоялъ при немъ адъютантомъ. Съ воцареніемъ Александра немедленно вызванный изъ Рима, гдѣ состоялъ посланникомъ нашимъ при Сардинскомъ королѣ, онъ сдѣлался однимъ изъ приближеннѣйшихъ совѣтниковъ молодого Государя. Тайному и непримиримому врагу Россіи, по словамъ Вигеля, ничего не стоило притвориться англоманомъ, чтобы сойтись съ другими любимцами Царя и принять участіе въ замышляемыхъ преобразованіяхъ. Относительно кн. Чарторыйскаго, какъ участ-

---

1) Виг. Зап. II, I, 5

2) Ibid.

ника въ преобразовательныхъ начинаніяхъ Александра, Вигель категорически заявляетъ, что онъ, „кромѣ зла, ничего не могъ желать Россіи“.

Четвертымъ участникомъ преобразовательной дѣятельности Имп. Александра I въ первые годы его царствованіяявлялся гр. П. Строгановъ, которому не было еще и тридцати лѣтъ, сынъ гр А. С. Строганова, извѣстнаго покровителя художествъ и музъ.

Гр. Строгановъ воспитывался за границей, гдѣ протекли его дѣтство и юность. Совершеннымъ мальчикомъ видѣлъ онъ въ Парижѣ ужасы революціи и „былъ въ восхищеніи отъ сего народнаго волкана“. Въ бытность свою въ Лондонѣ, „онъ увидѣлъ тамъ блестящій призракъ свободы, коимъ искусный деспотизмъ лордовъ тѣшилъ народъ“, [1]) и еще болѣе плѣнился общественнымъ устройствомъ Англіи. Вигель называетъ гр. Строганова молодымъ русскимъ лордомъ, который постоянно бредилъ Англіей. Впрочемъ, въ либерализмѣ его онъ видитъ болѣе результатъ легкомыслія, чѣмъ слѣдствіе глубокаго внутренняго убѣжденія. Близкимъ отношеніямъ гр. Строганова къ молодому Государю, кромѣ англоманіи, по словамъ Вигеля, содѣйствовала также и весьма почтенная и достойная жена его.

Пятымъ лицомъ въ числѣ „затѣйниковъ, которые думали устроить счастіе Россіи на прочномъ основаніи“, былъ суровый и надменный морякъ, совсѣмъ еще нестарый контръ-адмиралъ П. Чичаговъ, обязанный своимъ положеніемъ не собственнымъ заслугамъ, а славѣ отца, В. Я. Чигагова, въ царствованіе Екатерины II одержавшаго морскую побѣду надъ шведами. [2])

Въ концѣ царствованія Павла I за свои дерзкіе отвѣты Государю пострадавъ заключеніемъ въ крѣпость, онъ совершенно для себя неожиданно пріобрѣлъ общее уваженіе, которое еще продолжалось и въ первое время по воцареніи Александра I. Этого обстоятельства въ соединеніи съ англоманіей было вполнѣ достаточно, по словамъ Вигеля, чтобы и Чичаговъ могъ примкнуть къ партіи молодыхъ реформаторовъ и принять участіе въ преобразовательной дѣятельности.

Въ дальнѣйшемъ изображеніи Чичагова Вигель говоритъ, что популярность его имѣла случайный характеръ и скоро должна была разрушиться и смѣниться ненавистью и даже презрѣніемъ, вслѣдствіе его подвига во время переправы черезъ р.

---

[1]) Виг. Зап. II, I, 5—6.

[2]) Ср. Энциклопедическій словарь. Брокгауза и Ефрона, т. 76, стр. 886.

Березину обращенныхъ въ бѣгство французовъ, *) и тѣмъ самымъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы этотъ печальный герой войны 1812 года могъ особенно радѣть о благѣ и пользѣ Россіи.

Говоря о замѣнѣ коллегій министерствами, Вигель приписываетъ участіе въ этомъ дѣлѣ также и гр. М. М. Сперанскому, „который, какъ будто скрываясь, выглядывалъ изъ-за пентархіи".

Выросшій подъ сѣнью алтарей и совершенно неожиданно перенесенный на свѣтское поприще, Сперанскій быстро на немъ выдвинулся. Какъ воспитатель сына кн. Куракина, онъ умѣлъ понравиться этому вельможѣ и пріобрѣсти въ немъ себѣ благодѣтеля. Благодаря ему Сперанскій попалъ на службу сначала въ экспедицію Государственнаго казначейства, потомъ—въ канцелярію генералъ-прокурора Сената, когда на эту должность былъ назначенъ кн. Куракинъ. Здѣсь онъ умѣлъ пережить смѣну нѣсколькихъ начальниковъ, въ каждомъ изъ нихъ находя себѣ новаго покровителя.

Фортуну Сперанскаго сдѣлалъ гр. Паленъ, „человѣкъ, по словамъ Вигеля, столь же мало, какъ и первый, проникнутый свѣтомъ христіанской морали." Находясь въ канцеляріи генералъ-прокурора, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ правителемъ канцеляріи комиссіи „о снабженіи резиденціи припасами". Гр. Паленъ, по званію С.-Петербургскаго военнаго губернатора, былъ президентомъ этой комиссіи. Имъ Сперанскій и былъ представленъ и отрекомендованъ Имп. Александру I, который скоро сдѣлалъ его своимъ статсъ-секретаремъ. Сперанскій незамедлилъ зарекомендовать себя, какъ человѣка, который могъ быть полезенъ въ замышляемомъ правительствомъ предпріятіи, обнаруживъ на дѣлѣ свои административно-созидательныя способности. „Замѣтивъ склонность Александра къ нововведеніямъ, онъ предложилъ, какъ первый опытъ, раздѣленіе дѣлъ тогдашняго Императорскаго Совѣта на экспедиціи и взялъ одну изъ нихъ въ свое управленіе". [1])

Уже этими біографическими данными Вигель старается представить гр. Сперанскаго въ несимпатичномъ видѣ, какъ выскочку и пройдоху.

---

*) Эту неудачную военную операцію Чичагова, благодаря чему Наполеонъ избѣжалъ русскаго плѣна, Вигель склоненъ объяснять въ смыслѣ измѣны.

[1]) Виг. Зап. II, I, 8 Ср. Бар. Корфъ „Жизнь гр. Сперанскаго" ч. I, стр. 90—91.

Характеризуя съ нравственной стороны личность гр. Сперанскаго, Вигель считаетъ себя въ правѣ отнести къ этому замѣчательному государственному дѣятелю только въ болѣе сгущенныхъ краскахъ сразу все то, что дурного и несправедливаго имъ было сказано по адресу другихъ пяти сотрудниковъ Имп. Александра I въ отдѣльности.

Не отрицая у Сперанскаго высокаго и блестящаго ума Вигель представляетъ его, какъ человѣка безъ всякихъ почти нравственныхъ достоинствъ. „Насквозь пропитанный ложью и лицемѣріемъ, онъ еще на школьной скамьѣ, въ лѣта непорочности и чистосердечія, уже былъ атеистомъ. Духъ гордыни рано имъ овладѣлъ; какъ падшіе ангелы, тайно возставалъ онъ противъ Самого Бога и въ первой молодости уже отвергалъ бытіе Его“. [1])

Наконецъ, Вигель изображаетъ Сперанскаго, какъ тайнаго недруга православія, самодержавія и Руси и въ ней особенно одного сословія—дворянства „Онъ не любилъ дворянства, коего презрѣніе испыталъ къ прежнему своему состоянію; онъ не любилъ религіи, коей правила стѣсняли его дѣйствія и противились его обширнымъ замысламъ; онъ не любилъ монархическаго правленія, которое заслоняло ему путь на самую высоту; онъ не любилъ своего отечества: ибо почиталъ его недовольно просвѣщеннымъ и его недостойнымъ“ [2]).

Необыкновенно честолюбивый и исполненный глубокой скрытой вражды къ Россіи, Сперанскій не затруднился надѣть на себя личину англичанина, чтобы присоединиться къ молодымъ реформаторамъ и помочь имъ въ задуманномъ ими дѣлѣ „Никто изъ пяти преобразователей не умѣлъ ничего написать. Сперанскій предложилъ имъ искусное перо свое и, принимая видъ, какъ будто собираетъ ихъ мнѣнія, соглашаетъ ихъ, приводитъ въ порядокъ, дѣйствительно, одинъ составилъ проектъ учрежденія министерствъ“. [3]) „Тутъ, замѣчаетъ далѣе авторъ „Записокъ“, Сперанскій увидѣлъ всю пустоту претензій людей, почитавшихъ себя у насъ государственными, узналъ все ихъ ничтожество, опытность старцевъ и зрѣлыхъ мужей презиралъ, уважалъ одну только ученость, въ этомъ отношеніи равныхъ

---

[1]) Виг. Зап. II, I, 7.
[2]) Ibid II, I, 9.
[3]) Ibid II, I, 8.

себѣ на гражданскомъ поприщѣ не видѣлъ и съ тѣхъ поръ пріучился ставить себя выше всѣхъ“ [1])

Въ числѣ лицъ, принимавшихъ ближайшее участіе въ реформахъ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра I, называя и гр. М. М. Сперанскаго, Вигель приписываетъ ему составленіе проекта учрежденія министерствъ, хотя изъ другихъ источниковъ объ этомъ не извѣстно.

По мнѣнію Вигеля, тѣ конституціонныя идеи, которыми съ самаго ранняго дѣтства была наполнена голова Имп. Александра I, такъ и остались бы въ области мечтаній, безъ всякой попытки осуществленія, не присоединись сюда помощь его сотрудниковъ. „Утверждаютъ, что благонамѣренный и неопытный Царь, подстрекаемый письмами изъ Женевы отъ учителя своего Лагарпа, хотѣлъ безъ всякаго приготовленія единымъ махомъ издать для Россіи какую-то конституцію. Увѣряютъ, что приближенные его, несмотря на свое невѣдѣніе и англоманію, столько еще смыслили, чтобъ знать великую разницу между Англіей и Россіей, что они убѣдили его на время отложить свое намѣреніе и взамѣнъ предложили учрежденіе министерствъ, какъ первый къ тому шагъ“. [2]) Императоръ Александръ I самъ по себѣ, по изображенію Вигеля, гораздо болѣе былъ расположенъ къ абсолютно-монархическому, чѣмъ къ конституціонному образу правленія. „Родившись въ Россіи и никогда дотолѣ ея не покидавши, напитанный русскимъ воздухомъ самодержавія, Александръ любилъ свободу, какъ забаву ума. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно русскій человѣкъ: въ жилахъ его вмѣстѣ съ кровію текло властолюбіе, умѣряемое только лѣностью и безпечностью“ [3]).

Вигель полагаетъ, что молодой и неопытный Государь въ своей преобразовательной дѣятельности, въ которой ему самому принадлежала пассивная роль, былъ жертвою происковъ своекорыстныхъ, честолюбивыхъ, неблагонамѣренныхъ и даже враждебно настроенныхъ по отношенію къ Россіи сотрудниковъ.

На основаніи сохранившихся протоколовъ засѣданій „Интимнаго Комитета“ (1801—1803 г.), гдѣ Императоръ Александръ вмѣстѣ съ своими друзьями обсуждалъ предпринимаемыя преобразованія, извѣстно, что мысль о конституціи уже съ самаго начала была свойственна преобразовательной дѣятель.

[1]) Виг. Зап. II, I, 8—9.
[2]) Ibid
[3]) Ibid II, I, 14.

ности Александра. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ тѣхъ же историческихъ документовъ видно, что, какъ самъ Александръ, такъ и его приближенные совѣтники, дѣйствуя подъ вліяніемъ конституціонныхъ западно-европейскихъ идей, преисполнены были самыхъ лучшихъ и благихъ намѣреній по отношенію къ Россіи. [1])

При этомъ Императоръ Александръ I въ средѣ окружавшихъ его совѣтниковъ сохранялъ всю свою независимость, хотя она не всегда происходила изъ дѣйствительной твердости его мысли и характера и, напротивъ, нерѣдко была слѣдствіемъ его недовѣрчивости и упрямства; ему несомнѣнно принадлежала иниціатива всѣхъ мѣръ и учрежденій, которыя, большею частью, были погребены въ бумагахъ канцелярій и только отчасти были осуществлены на дѣлѣ. Его совѣтникамъ принадлежала въ этомъ дѣлѣ также немалая доля участія, но самъ Императоръ Александръ всегда оставался главнымъ дѣятелемъ, и ему надо приписать большую часть и похвалъ и осужденій [2]).

Учрежденіе министерствъ (1802 г.)

Тѣ перемѣны, которыя произошли въ сферѣ высшаго государственнаго управленія въ силу указа 8 сентября 1802 г., выразились въ замѣнѣ коллегій министерствами, какъ единоличными органами центральной администраціи.

„Невозможно было, говоритъ Вигель, вдругъ разрушить старое вѣковое зданіе, надобно было напередъ вывести новыя стѣны“ [3]).

Дѣло реформы на первый разъ сводилось къ тому, что мѣсто президентовъ трехъ первыхъ государственныхъ коллегій, т. е. иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтействъ-коллегіи, и мѣсто генералъ-прокурора, стоявшаго во главѣ прочихъ коллегій, заступили министры. Они въ числѣ восьми человѣкъ должны были вѣдать дѣлами управленія при посредствѣ подвѣдомственныхъ имъ коллегій, которыя, кромѣ одной только медицинской, передѣланной въ экспедицію, оставались пока въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями. При ка-

---

[1]) А. Н. Пыпинъ „Обществ. движ. въ Россіи при Имп. Алекс. I,“ стр. 82—83 Ср. Н. К. Шильдеръ „Имп. Алекс. I“, т. II. стр. 48. Бар. Корфъ „Жизнь гр. Сперанск.“ ч. I, стр. 91—93.

[2]) М. И. Богдановичъ „Исторія царствов. Импер. Алекс. I и Россіи въ его время“, т. I, стр. 38—91 (приложеніе) Ср. „Вѣстникъ Европы“, т. I. ст. Богдановича „Имп. Алекс. I“.

[3]) Виг. зап. II, I, 10.

ждомъ министрѣ было образовано по одному департаменту-канцеляріи, отчего и министерства были извѣстны болѣе подъ именемъ департаментовъ. Кромѣ военнаго, морского и министра коммерціи, всѣ остальные имѣли товарищей.

Первыми министрами были назначены лица пожилыя и съ извѣстнымъ именемъ. Сами преобразователи, кромѣ гр. Кочубея, назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, удовольствовались званіемъ товарищей министровъ. Авторъ „Записокъ“ видитъ здѣсь особыя секретныя намѣренія молодыхъ реформаторовъ, „которые думали такимъ способомъ пріучить публику видѣть въ нихъ правителей, сочетающихъ въ своей дѣятельности теорію политическихъ наукъ съ практическимъ опытомъ жизни, и, какъ бы то ни было, привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, а затѣмъ имѣли въ виду при первомъ удобномъ случаѣ спихнуть стариковъ долой и самимъ занять ихъ мѣсто“. Впрочемъ, всѣхъ первыхъ министровъ Вигель считаетъ лицами, которыя сочувствовали происшедшей реформѣ и не могли внушать опасеній преобразователямъ [1]). Только одинъ министръ финансовъ гр. Васильевъ, представляя собою „лице, сохранившее физіономію прежнихъ временъ“, являлся среди прочихъ исключеніемъ, вызваннымъ необходимостью имѣть во главѣ управленія государственными финансами человѣка, свѣдущаго въ этомъ сложномъ дѣлѣ. Указывая на мнимыя предосторожности, какія будто бы принимали молодые преобразователи, Вигель считаетъ ихъ напрасными. „Ни одинъ голосъ не поднялся противъ столь крутого переворота, всѣ ему рукоплескали. Еслибъ Государь составилъ совѣтъ свой изъ пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, то и его постановленія были бы приняты, какъ плоды высокой мудрости. Молодая Россія была безъ памяти влюблена въ молодого Александра. А когда любовь бываетъ не слѣпа?“ [2]).

Вигель всецѣло стоитъ на сторонѣ коллегіальной системы управленія и признаетъ, что въ Россіи, какъ обсолютно-монархическомъ государствѣ, коллегіи должны считаться исключительно пригодными органами управленія. „Кажется, говоритъ онъ, простой разсудокъ въ самодержавномъ государствѣ указываетъ на необходимость коллегіальнаго управленія. Тамъ, гдѣ верховная неограниченная власть находится въ однѣхъ рукахъ и гласъ

[1]) Ср. Проф. Коркуновъ. „Русск. госуд. право,“ ч. II. стр. 322.
[2]) Виг. Зап. II, I, 13.

народа чрезъ представителей его не можетъ до нея доходить, власть главныхъ правительственныхъ лицъ должна быть умѣряема совѣщательными учрежденіями, составленными изъ мужей болѣе или менѣе опытныхъ. Если сужденія ихъ, споры, даже несогласія нѣсколько замедляютъ ходъ дѣлъ, зато предъ Государемъ они одни только обнажаютъ истину, выказываютъ ему способныхъ людей для каждаго мѣста и такимъ образомъ облегчаютъ ему выборы“ [1]). „Такъ, замѣчаетъ авторъ „Записокъ“, было въ Россіи до Петра Великаго; приказы, думы, суды превратились при немъ въ коллегіи; число ихъ умножилось, перемѣнились названія, но не измѣнился существовавшій порядокъ. Передъ обновленной имъ древностью благоговѣли всѣ его преемники до Александра“ [2]).

Сожалѣя объ уничтоженіи коллегій, Вигель отождествляетъ коллегіальный порядокъ съ приказной системой управленія до-петровской Руси. Но, по авторитетному мнѣнію проф. Ключевскаго, „приказы, съ ихъ случайно и неправильно разграниченными вѣдомствами, были болѣе единоличными учрежденіями и до нѣкоторой степени приближались къ нынѣшнимъ министерствамъ, такъ какъ въ нихъ не было обычая рѣшать дѣла по большинству голосовъ и право рѣшающаго голоса принадлежало однимъ начальникамъ“. [3])

Министерскую форму управленія, существованіе которой въ конституціонныхъ государствахъ Западной Европы вполнѣ можетъ быть оправдано самымъ устройствомъ ихъ, отнюдь, по мнѣнію Вигеля, нельзя признать цѣлесообразной въ Россіи. „Въ Англіи, во Франціи есть министры, облеченные обширною властью и зато подвергнутые строжайшей отвѣтственности Тамъ же и парламенты и представительныя палаты, слѣдящіе за всѣми ихъ дѣйствіями. Чтобы поставить Россію на одинаковую степень съ другими просвѣщенными государствами, надобно также имѣть въ ней министровъ. Но предъ кѣмъ они будутъ отвѣчать?. Предъ Государемъ, который долго уважаетъ въ нихъ свой выборъ, котораго дѣлаютъ они участникомъ своихъ ошибокъ, и который, не признавшись въ оныхъ, не можетъ ихъ удалить?. Предъ народомъ, который ничто?. Передъ потомствомъ, о которомъ они не думаютъ?. Развѣ только передъ

---

1 Виг. Зап. II, I, 4.
2 Ibid.
3 Проф. В. О. Ключевскій „Курсъ лекцій по русской исторіи“.

своей совѣстью, когда невзначай есть она въ которомъ-нибудь изъ нихъ“ [1])

Вигель сокрушается объ униженномъ положеніи Сената, власть котораго, какъ учрежденія наблюдающаго, по его словамъ, была ослаблена до того, что онъ не только не могъ контролировать дѣятельность министровъ, но сдѣлался даже ниже ихъ и отъ нихъ зависимымъ. „Сенатъ не имѣлъ другихъ правъ, какъ указами доносить министрамъ; они не имѣли къ нему другихъ обязанностей, кромѣ рапортовъ, коими давали ему свои предписанія“ [2]). На самомъ дѣлѣ, министры, какъ органы, подчиненные Сенату, обязаны были представлять ему ежегодные отчеты въ своей дѣятельности, хотя взаимоотношенія ихъ и не были точно опредѣлены закономъ.

Мало собразуясь съ объективной правдой и слишкомъ сгущая краски, Вигель описываетъ, какъ, обыкновенно, происходило рѣшеніе дѣлъ въ министерствахъ. „Въ тишинѣ кабинета поработавъ съ безгласнымъ или всемогущимъ директоромъ, министръ несетъ къ Государю свои или его предположенія; когда онъ пользуется довѣренностію, то безъ дальняго разсмотрѣнія дѣло тутъ же и оканчивается; если же нѣтъ, то отсылается въ Комитетъ Министровъ, гдѣ, какъ увѣряютъ, часто царствуетъ разсѣянность и гдѣ почти безпрестанно взаимное умовеніе рукъ“ [3]).

Окончательно строгій критикъ преобразовательной дѣятельности Имп. Александра I приходитъ къ такому заключенію: „Можетъ быть, когда-нибудь случится, что разсѣянный Государь ввѣрится небрежнымъ министрамъ, которые ввѣрятся лѣнивымъ директорамъ, которые ввѣрятся неблагоразумнымъ и неопытнымъ начальникамъ отдѣленій, а они ввѣрятся умнымъ и дѣятельнымъ, но не весьма благонамѣреннымъ и добросовѣстнымъ столоначальникамъ; тогда сіи послѣдніе безъ общей цѣли и связи будутъ одни управлять дѣлами Государства. Вотъ будущность, которая съ 8-го сентября 1802 года открылась для Россіи“ [4]).

Громко возставая противъ учрежденія министерствъ, Вигель не видитъ глубокихъ и серьезныхъ причинъ для реформъ,

---

[1]) Рукопись.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.

предпринятыхъ Александромъ I въ сферѣ нашего высшаго центральнаго управленія.

Корень преобразовательной дѣятельности заключался, по предположенію Вигеля, не въ плохомъ состояніи нашего внутренняго управленія, а въ неправильномъ воспитаніи, полученномъ Государемъ. „Воспитаніе Александра было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины II. Образованіе его ума поручила она женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ и въ день своего пріѣзда, и который карманную республику свою поставилъ образцомъ правленія будущему Самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка. Не разжевавши ихъ, можно сказать, не переваривши ихъ, призвалъ онъ ихъ себѣ на память въ тотъ день, въ который началъ царствовать“ [1]). Подъ вліяніемъ идей, внушенныхъ воспитаніемъ, молодой Императоръ былъ недоволенъ современнымъ строемъ Россіи, который онъ задумалъ пересоздать на западно-европейскій ладъ; причемъ образцомъ для подражанія сначала служила Англія, которая, по словамъ Вигеля, „была настоящей нашей патроншей въ первые годы Александрова царствованія“

Не отрицая, что Императоръ Александръ I въ своихъ первыхъ реформахъ находился подъ вліяніемъ конституціонныхъ учрежденій Англіи, мы должны также признать, что образованіе министерствъ 1802 года, если даже смотрѣть на дѣло безъ предубѣжденія въ пользу совѣщательнаго порядка, было произведеніемъ недостаточно обдуманнымъ и не вполнѣ зрѣлымъ, несогласованнымъ ни съ учрежденіемъ только что передъ тѣмъ установленнаго Совѣта, ни съ правами и властію преобразованнаго Сената и коллегій, еще продолжавшихъ дѣйствовать и остававшихся покамѣстъ въ прежнемъ своемъ составѣ. „Набросанное на бумагу въ нѣсколькихъ поверхностныхъ очеркахъ, безъ всякихъ подробностей исполненія, и между тѣмъ тотчасъ же приведенное въ дѣйствіе, это образованіе, по справедливому замѣчанію барона Корфа, во всемъ носило на себѣ отпечатокъ особенной спѣшности и малой опытности составителей“ [2]). Новыя учрежденія не имѣли даже устава, который служилъ бы руководствомъ для ихъ дѣятельности. Такой уставъ былъ со-

[1]) Вигель зап. II, I. 7.
[2]) Бар. Корфъ „Жизнь гр. Сперанскаго“, ч. I, стр. 94.

ставленъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ два года спустя послѣ образованія министерствъ.

Однако, по существу дѣла, жалобы Вигеля слѣдуетъ признать неосновательными и несправедливыми.

Реформа центральнаго управленія, выразившаяся въ замѣнѣ коллегій министерствами, какъ единоличными бюрократическими учрежденіями, не была вдругъ предпринятымъ дѣломъ Имп. Александра I, но являлась назрѣвшей потребностью времени. „Какъ коллегіи, такъ и Сенатъ, говоритъ проф. Ключевскій, благодаря господству лицъ надъ учрежденіями и законами, постепенно въ продолженіе XVIII столѣтія все болѣе и болѣе падали въ своемъ значеніи и ко времени Александра I не представляли и подобія того, чѣмъ они являлись въ самомъ началѣ послѣ ихъ созданія. Всѣ дѣла въ концѣ концовъ рѣшались произволомъ или фаворита, господствовавшаго въ то или другое время, или представителя верховной власти генералъ-прокурора“ [1]) Нѣкоторыя коллегіи, какъ напр.: юстицъ-коллегія и коллегіи, вѣдавшія хозяйствомъ и финансами, были совсѣмъ закрыты, и дѣла, подлежавшія ихъ компетенціи, были перенесены изъ центра въ губерніи, гдѣ были распредѣлены по мѣстнымъ учрежденіямъ: судебныя дѣла были переданы въ палаты уголовнаго и гражданскаго суда, хозяйственныя и финансовыя—въ казенныя палаты. Сама практика жизни расшатывала коллегіальную систему. Въ виду усложнившихся задачъ управленія, коллегіи, какъ органы центральной администраціи, не могли удовлетворять требованіямъ государственной и общественной жизни, такъ какъ не были способны проявлять необходимую энергію и быстроту дѣйствій въ рѣшеніи дѣлъ.

Потому, несмотря на пробѣлы, допущенные при учрежденіи министерствъ, несомнѣнно, практическіе результаты управленія по новой системѣ должны были быть лучше управленія по старой, не соотвѣтствовавшей измѣнившемуся положенію дѣлъ и пришедшей въ полное разстройство.

„Учрежденіемъ министерствъ положено было весьма важное начало устройству государственнаго управленія. Нѣтъ сравненія между симъ порядкомъ и тѣмъ, который ему предшествовалъ. Если бы крутыя обстоятельства политическія постигли управленіе въ томъ устройствѣ, когда все гражданское управленіе

[1]) Проф. В. О. Ключевскій „Курсъ лекцій по русской исторіи“ Cp. Storch „Russland unter Alex. dem Ersten“, т. I, стр. 20—23.

состояло въ хаосѣ дѣлъ, ввѣренныхъ почти одному генералъ-прокурору, замѣшательство и затрудненіе дошло бы до самой высшей степени, и не только движеніе частей не было бы соразмѣрно быстротѣ происшествій, но и совсѣмъ бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно остановилось" [1]). Такой приговоръ о преимуществахъ того порядка, который сталъ дѣйствовать въ сферѣ нашего центральнаго управленія послѣ указа 8 сентября 1802 г., передъ тѣмъ, который существовалъ до этого времени, сдѣлалъ М. М. Сперанскій, вообще и самъ признававшій реформу 1802 года не свободной отъ недостатковъ.

Тильзитскій миръ и перемѣна вліянія.

Тильзитскимъ миромъ (1807 г.) прекратилось, по словамъ Вигеля, господство въ Россіи Фоксовъ и Питтовъ, кончилась роль Англіи, какъ нашей патронши, мѣсто ея заступила Франція.

„На Петербургъ, на Москву, разсказываетъ авторъ „Записокъ", и на всѣ тѣ мѣста, коихъ просвѣщеніе болѣе коснулось, Тильзитскій миръ произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ ничто иное можетъ быть, какъ порабощеніе ему, какъ признаніе его надъ собою власти. И вотъ эпоха, въ которую нѣжнѣйшая любовь, какую могутъ только имѣть подданные къ своему Государю, превратилась вдругъ въ нѣчто хуже вражды, въ чувство какого-то омерзѣнія," [2]) что Вигель считаетъ жестокою несправедливостью русскихъ. Имп. Александръ съ рыцарскимъ благородствомъ сдѣлалъ все, что „человѣкъ, не рожденный полководцемъ, можетъ сдѣлать" для возстановленія чести Европы, поруганной „маленькимъ поручикомъ, дерзнувшимъ возсѣсть на престолѣ Великаго Людовика". Но „что оставалось ему, говоритъ Вигель, когда онъ увидѣлъ безчисленную рать непріятельскую, разбитое свое войско и всѣмъ ужаснаго Наполеона, стоявшаго уже на границѣ его государства?". [3]) Александру не было никакого другого исхода, какъ рѣшиться, съ сохраненіемъ, однако, своего достоинства, на заключеніе мира съ Наполеономъ, какъ то ни тяжко было для его сердца.

[1]) Проф. Коркуновъ „Русск. госуд. право" ч. II стр. 236.
[2]) Виг. Зап. II, XIV, 232.
[3]) Ibid.

Наполеонъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы, подъ предлогомъ переговоровъ объ условіяхъ мира, добиться, наконецъ, свиданія съ Александромъ, чего онъ уже давно домогался. Наполеонъ надѣялся обаяніемъ своей личности и убѣдительностью своихъ доводовъ подѣйствовать на впечатлительную душу Александра и склонить его къ союзу Россіи съ Франціей. Наполеонъ орлинымъ взглядомъ своимъ увидѣлъ всю выгоду для Франціи, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, вступить въ союзъ съ Россіей. „Самодержавіе на сѣверѣ плѣняло его властолюбивый умъ, онъ искалъ сближенія, и восторженный Павелъ передъ смертію раздѣлялъ уже величіе его замысловъ. Сильное вліяніе Англіи разсѣкло сей едва завязанный узелъ; кротость Александра, его желаніе мира и добра отдѣляли его отъ честолюбца, но сей послѣдній не упускалъ случая, чтобы возстановить съ нимъ согласіе. Наканунѣ Аустерлица онъ еще мирволилъ и просилъ о свиданіи и, наконецъ, получилъ его въ Тильзитѣ". [1])

При личномъ свиданіи въ незначительномъ прусскомъ городѣ два могущественнѣйшихъ государя Европы принесли клятву другъ-другу въ вѣчной любви и навсегда заключили между собой дружественный союзъ, чтобы, „соединивъ свои силы, довершить покореніе всего свѣта и потомъ общими силами среди всеобщаго мира пещись объ устройствѣ всеобщаго благоденствія". [2])

Съ тѣхъ поръ, „какъ бы не обращая никакого вниманія на пристрастіе своихъ подданныхъ къ союзной съ нимъ дотолѣ Англіи, на явную ненависть ихъ къ омрачившимъ ихъ воинскую славу великому французскому полководцу и его побѣдоносному народу, Государь во всемъ обнаруживалъ къ нимъ новую свою симпатію и удивленіе" [3]). „Изъявленій всеобщаго за то неудовольствія, присовокупляетъ Вигель, не было возможности не только наказывать, но даже удерживать: ибо отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата—все, повинуясь, роптало съ негодованіемъ. А онъ, примѣръ долготерпѣнія на тронѣ, долженъ былъ все выслушивать съ молчаніемъ, когда, по мнѣнію его, въ глубинѣ души своей онъ былъ увѣренъ, что сдѣлалъ все для спасенія Россіи

---

[1]) Виг. Зап. III, I, 4 Ср. Галактіоновъ. „Импер. Алекс. I" стр. 115 - 116.
[2]) Ibid стр. III, I, 4—5.
[3]) Ibid III, I, 1.

и будущаго ея величія". [1]) Между тѣмъ какъ до сихъ поръ, по словамъ Вигеля, Имп. Александръ I сообразовался съ общественнымъ мнѣніемъ, по требованію котораго въ 1806 г. былъ удаленъ имъ съ поста министра иностранныхъ дѣлъ кн. Адамъ Чарторыйскій, [2]) теперь онъ „выборомъ всѣмъ ненавистнаго гр. Аракчеева въ военные министры, какъ будто хотѣлъ показать, что онъ симъ мнѣніемъ не дорожитъ и болѣе щадить его не намѣренъ". [3])

Послѣ Тильзитскаго мира, съ удаленіемъ остальныхъ сотрудниковъ Государя, съ которыми онъ дѣлилъ „свои первые планы реформъ", все вліяніе на дѣла внутренняго управленія перешло къ Сперанскому. „Непримѣтно изъ почитателей Великобританіи сдѣлавшись обожателемъ Наполеона и Франціи и благодаря тому войдя въ безпредѣльную довѣренность у Александра", Сперанскій, по словамъ Вигеля, постарался воспользоваться своимъ положеніемъ для осуществленія особыхъ скрытыхъ намѣреній.

Указъ о придворныхъ званіяхъ.

Изображая преобразовательную дѣятельность Имп. Александра I за тотъ періодъ, когда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся М. М. Сперанскій, Вигель въ своемъ изложеніи старается на дѣлѣ подтвердить, что имъ было раньше сказано въ характеристикѣ этого величайшаго государственнаго человѣка нашей исторіи. [4])

Прежде всего авторъ „Записокъ" останавливается на указѣ о придворныхъ званіяхъ, „которымъ съ своею знатью похристосовался Государь въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія", 3-го апрѣля 1809-го года.

Инціативу этого указа Вигель приписываетъ самому Александру, все еще находившемуся подъ вліяніемъ ложныхъ идей, внушенныхъ воспитаніемъ. „Какъ всѣ люди, поневолѣ дѣятельные и трудами обремененные, Императоръ Александръ

---

[1]) Виг. Зап. III, I, I.
[2]) Ibid II, XII, 206.
[3]) Ibid III, I, 15.
[4]) См. стр. 20—22.

терпѣть не могъ въ другихъ праздности и лѣни. Къ тому же, какъ либералъ и властолюбецъ вмѣстѣ, онъ болѣе переносилъ, чѣмъ поощрялъ аристократическій образъ мыслей, и всѣ преимущества, отъ него не зависѣвшія и не отъ него проистекавшія, ненавидѣлъ. Всегда смотрѣлъ онъ косо на придворные чины: въ молодыхъ камергерахъ и камеръюнкерахъ, обязанныхъ находиться при большихъ выходахъ, танцовать на придворныхъ балахъ, украшать собою общество, служить единственно для умноженія царской помпы, видѣлъ онъ людей, только что шаркавшихъ по паркету, и называлъ ихъ полотерами". [1])

Императоръ Александръ I усматривалъ несправедливость въ томъ, что „изъ ничего, безъ всякихъ заслугъ и для бездѣйствія, производились они прямо въ четвертый и пятый классъ, тогда какъ другіе могли достигать до того только многолѣтними трудами". [2]) Сперанскій воспользовался такимъ настроеніемъ Государя, чтобы, по мнѣнію Вигеля, изгладить въ Россіи и самую память о ненавистной ему аристократіи. „Когда я началъ знать Сперанскаго, говоритъ авторъ „Записокъ", перешагнулъ онъ чрезъ простое дворянство и лѣзъ прямо въ знатные. На новой высотѣ, на которой онъ находился, не знаю, чѣмъ почиталъ онъ себя; извѣстно только, что самую знатность хотѣлось ему топтать. Примѣръ Наполеона вскружилъ ему голову. Онъ не имѣлъ сына, не думалъ жениться и одну славу собственнаго имени хотѣлъ передать потомству". [3])

Перу Сперанскаго и принадлежалъ проектъ указа, „которымъ велѣно всѣмъ настоящимъ камергерамъ и камеръюнкерамъ сверхъ придворной избрать себѣ другой родъ службы, точно такъ, какъ отъ вольноотпущенниковъ требовалось, чтобы они избрали себѣ родъ жизни". [4]) Послѣ изданія этого указа „всѣ вновь жалуемые камергеры и камеръюнкеры должны были оставаться въ тѣхъ чинахъ, въ коихъ прежде находились, и всѣ сіи малочинные такъ же, какъ и чиновные, должны были занимать какую нибудь должность въ гражданской службѣ". [5]) Вигель не находитъ достаточныхъ основаній къ отмѣнѣ привилегій аристократіи, связанныхъ съ придворными званіями.

Въ сферѣ гражданской службы разсматриваемый указъ,

---

[1]) Виг. Зап. III, VI, 66.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid III, VI, 68.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.

вмѣсто предполагаемаго улучшенія, напротивъ, какъ думаетъ Вигель, ухудшилъ положеніе дѣлъ. „Что касается до тѣхъ, которые были пожалованы камергерами и камеръюнкерами еще до изданія указа и были, слѣдовательно, превосходительными и высокородными, изъ коихъ нѣкоторые имѣли уже довольно почтенный возрастъ, то за невозможностію пріискать въ коллегіяхъ мѣста, соотвѣтствовавшія ихъ чинамъ, однихъ изъ нихъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ посадили за оберъ-прокурорскіе столы, другихъ разсовали по министерствамъ. Чувствуя свое униженіе, никто изъ нихъ, даже тѣ, которые имѣли нѣкоторыя способности, не хотѣли заняться дѣломъ, къ которому никто не смѣлъ ихъ приневоливать. Вновь же жалуемые камергеры и камеръюнкеры, по большей части, графчики и князьки, наслѣдники двадцати, тридцати или пятидесяти тысячъ душъ, конечно, никогда охотно, въ званіи канцелярскихъ служителей, не могли подчинить себя засаленному повытчику и, по его приказанію, переписывать бумаги“. [1]) Впрочемъ, „въ Россіи, замѣчаетъ Вигель, всякій несправедливый законъ исправляется неисполненіемъ его. Всѣ эти баричи числились только по департаментамъ, а главное начальство само способствовало ихъ повышенію“. [2])

Привилегіи аристократіи не составляютъ исключительной особенности въ соціальномъ строѣ Россіи и существуютъ даже въ государствахъ съ представительнымъ правленіемъ. „И въ Англіи, говоритъ Вигель, молодые лорды, по достиженіи совершеннолѣтія, не засѣдаютъ ли въ верхней камерѣ парламента и не берутъ ли шагъ у старыхъ заслуженныхъ генераловъ?“ [3])

Вигель сожалѣетъ только, что въ Россіи никогда не было аристократіи въ европейскомъ смыслѣ слова, и „мѣстничество служило однимъ лишь притязаніемъ, а не правомъ“.

Со времени царствованія Петра Великаго, когда знатность происхожденія потеряла значеніе, на первый планъ выступила аристократія чиновная. „Послѣ этого, и изъ простонародья, т. е. изъ самаго низшаго состоянія, волею царскою можно было попасть въ самое высшее и стать не только наравнѣ, но и выше потомковъ князей и бояръ, какъ то было съ Меньшиковымъ и Разумовскими, которые, будучи людьми низкаго происхо-

---

1) Виг. Зап. III, VI, 68.
2) Ibid.
3) Ibid.

жденія, сдѣлались первыми и весьма вліятельными сановниками Государства". [1])

Петръ Великій и его преемники, „не довольствуясь, по словамъ Вигеля, избранныхъ своихъ награждать чинами и титлами, жаловали ихъ большими помѣстьями, зная, что на низшій классъ болѣе всего дѣйствуетъ наружный блескъ и широкое житье, и желая заставить уважать свое твореніе" [2])

Имп. Екатерина II не измѣнила существовавшаго до нея порядка.

При ней точно также особенныя заслуги могли открывать доступъ въ разрядъ знатныхъ. Второй классъ, т. е. чинъ генерала-аншефа, адмирала и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, давалъ знатность тѣмъ, которые наслѣдственно ея не имѣли. Это были, такъ называемые Вигелемъ, „новознатные".

Помимо раздачи помѣстій въ наслѣдственное вотчинное владѣніе, Имп. Екатерина II нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, кого она находила заслуживавшимъ особой царской милости, награждала еще тѣмъ, что ихъ сыновей жаловала въ камергеры и камеръюнкеры. Именно „сыновья людей, съ знатнымъ фамильнымъ именемъ соединявшихъ богатое состояніе, равно какъ и сыновья „новознатныхъ", получившіе хорошее образованіе, но не чувствовавшіе въ себѣ склонности къ военной службѣ, обыкновенно, жаловались въ камергеры и камеръюнкеры не для ихъ удовольствія, а въ награду заслугъ отцовскихъ, для украшенія общимъ мнѣніемъ уважаемыми именами придворнаго списка, для умноженія пышности столицы, гдѣ необходимы великолѣпныя палаты и роскошные праздники". [3]) При этомъ лица, пожалованныя придворными званіями, прямо получали чины четвертаго и пятаго классовъ.

Порядокъ „наградъ заслугъ отцовскихъ", установленный Имп. Екатериной II, служилъ, по мнѣнію Вигеля, однимъ изъ лучшихъ средствъ „дѣлать самихъ родителей счастливыми" и въ то же время побуждать ихъ къ ревностному исполненію лежавшихъ на нихъ обязанностей. „Какъ часто, говоритъ авторъ „Записокъ", видимъ мы людей, уже уставшихъ, а все продолжающихъ идти по трудному пути честей для того единственно, чтобы подавать руку помощи сыновьямъ своимъ, которые безъ нихъ,

---

[1]) Виг. Зап. III, VI, 66.
[2]) Ibid III, VI, 67.
[3]) Ibid.

можетъ быть, стали бы на немъ спотыкаться: успѣхи предметовъ ихъ нѣжности бываютъ для нихъ дороже собственныхъ". [1])

Преслѣдуя одну пользу, Имп. Александръ, по словамъ Вигеля, забывалъ, что и сама природа производитъ не только полезное, но и пріятное. „Вмѣсто цвѣтовъ, во множествѣ украшавшихъ сады его, и коими любилъ онъ тѣшить взоръ свой, не велѣлъ же онъ сѣять капусту и рѣдьку". [2])

Наконецъ, Вигель старается проникнуть въ сокровенные планы Сперанскаго и признаетъ указъ результатомъ его демократическихъ стремленій.

Нисколько не сомнѣваясь, что „Сперанскому хотѣлось республики", онъ только недоумѣваетъ, „къ чему стремился Государь". Замѣтивъ, что „Александръ не могъ имѣть въ виду представительной монархіи, такъ какъ она нигдѣ безъ высшихъ привилегированныхъ сословій не существовала", Вигель прибавляетъ, что „ему хотѣлось турецкаго правленія, гдѣ одинъ только оттоманскій родъ пользуется наслѣдственными правами, и гдѣ сынъ верховнаго визиря родится простымъ туркомъ и наравнѣ съ поселяниномъ платитъ подать". [3]) Допуская такое предположеніе, Вигель, очевидно, хотѣлъ сказать, что Государь, чуждый опредѣленныхъ политическихъ стремленій, былъ и въ послѣднемъ случаѣ жертвой тайныхъ замысловъ Сперанскаго.

„Званія камергера и камеръюнкера, хотя бы они получались въ колыбели, говоритъ бар. Корфъ, давали непосредственно чины четвертаго и пятаго классовъ. При такомъ простомъ способѣ достигать высшихъ чиновъ безъ труда и въ праздности, молодые люди знатнѣйшихъ фамилій часто проводили жизнь въ одной свѣтской суетѣ, безъ всякихъ серьезныхъ занятій; а если и рѣшались иногда вступать въ дѣйствительную службу,—то безъ опытности, безъ дѣлового приготовленія, съ однимъ поверхностнымъ, въ тогдашнее время, большею частью, французскимъ воспитаніемъ, нерѣдко занимали, по придворнымъ своимъ чинамъ, прямо высшія мѣста, къ огорченію заслуженныхъ подчиненныхъ и даже къ разстройству самыхъ частей управленія". [4])

Указъ 3-го апрѣля, для всѣхъ неожиданный, рѣшенный единственно между Сперанскимъ и Государемъ, долженъ былъ

---

[1]) Виг. Зап. III, VI, 67.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid. III, VI, 69.

[4]) Бар. Корфъ „Жизнь гр. Сперанск." ч. I стр. 173.

положить конецъ такому несправедливому и вредному съ Государственной точки зрѣнія порядку.

Понятно, какой гнѣвъ долженъ былъ возбудить этотъ указъ въ рядахъ вельможъ, чувствительно затронутыхъ имъ въ лицѣ своихъ сыновей и родственниковъ. „Указъ не только отнималъ, по словамъ барона Корфа, всякую надежду на быстрое повышеніе въ будущемъ, но оскорблялъ и настоящіе интересы, требуя отъ камергеровъ и камеръюнкеровъ поступленія въ дѣйствительную службу. Въ глазахъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ новый законъ принялъ размѣры настоящей политической катастрофы. Вся, такъ называемая, аристократія наша вздрогнула отъ столь дерзновеннаго прикосновенія къ тому, что она привыкла считать стариннымъ своимъ правомъ, и цѣлыми родами возстала противъ нововводителя, котораго послѣ такой неслыханной наглости уже, конечно, нельзя было не признать человѣкомъ самымъ опаснымъ, стремившимся къ уравненію всѣхъ состояній, къ демократіи и оттуда къ ниспроверженію всѣхъ основъ Имперіи“. [1])

Голоса тѣхъ, кто безпристрастно оцѣнивалъ необходимость мѣры, вызванной не для насильственнаго привлеченія кого-либо въ службу, а для освобожденія ея отъ людей неспособныхъ или неприготовленныхъ, исходили преимущественно изъ среднихъ и низшихъ слоевъ общества и потому не могли покрыть вопля могущественной аристократіи, выразителемъ котораго и является Вигель.

Указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины.

Указъ 3-го апрѣля „былъ только прелюдіемъ другого болѣе жестокаго и несправедливаго указа“, который „великій преобразователь Россіи Сперанскій объявилъ въ день Преображенія Господня“, 6-го августа того же 1809 года, и въ силу котораго „для полученія чиновъ статскаго совѣтника и коллежскаго ассесора обязаны были чиновники представлять университетскій аттестатъ объ экзаменѣ въ наукахъ“.[2])

---

[1]) Бар. Корфъ „Жизнь гр. Сперанск.“ ч, I, стр. 174.

[2]) Виг. Зап. III, VI, 69—70.

Баронъ Корфъ въ извѣстной своей монографіи о Сперанскомъ съ особою силою настаиваетъ, будто указъ 6-го августа преимущественно озлобилъ противъ Сперанскаго служилое, иначе приказное, сословіе. [1]) Но „Записки“ Вигеля, подвергшаго критикѣ указъ объ экзаменахъ съ дворянской точки зрѣнія, заставляютъ думать, что озлобленіе противъ него дворянства, не получавшаго въ то время въ самомъ громадномъ большинствѣ другого воспитанія, кромѣ домашняго, было еще сильнѣе.

Вигель съ особеннымъ своимъ пристрастіемъ, съ своимъ узкимъ эгоизмомъ, какъ будто бы даже вовсе не видитъ, чтобы этотъ указъ не благопріятствовалъ еще какому-нибудь другому сословію, кромѣ дворянскаго. „Сперанскій давно смотрѣлъ съ негодованіемъ и нѣкоторою завистію на молодыхъ дворянъ, которые безъ большихъ трудовъ подвигались въ чинахъ, благодаря покровительству родныхъ и друзей ихъ семействъ“. [2]) Подъ вліяніемъ личныхъ чувствъ къ дворянству, онъ сумѣлъ „склонить Царя на принятіе такой мѣры, которая, по увѣреніямъ Сперанскаго, въ будущемъ обѣщала большую пользу гражданской службѣ, а въ настоящемъ сокрушала всѣ надежды на повышеніе цѣлаго, почти безъ изъятія, безчисленнаго сословія дворянскаго“. [3])

Правительство, съ своей стороны, въ самый короткій промежутокъ времени успѣло сдѣлать многое для успѣха наукъ въ Россіи. „Не прошло двухъ или трехъ лѣтъ послѣ основанія министерства народнаго просвѣщенія, какъ, кромѣ единственнаго у насъ прежде Московскаго университета, были учреждены и открыты пять новыхъ“. Между тѣмъ, дворянство обнаруживало слабую ревность въ снисканіи ученыхъ свѣдѣній въ наскоро созданныхъ университетахъ. „Несмотря на скудость тогдашнихъ средствъ, родители предпочитали домашнее воспитаніе, тѣмъ болѣе, что при вступленіи на службу не требовалось отъ сыновей ихъ большей учености“. [4])

Сперанскій воспользовался такимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы Государю, „который и безъ того уже не слишкомъ благоволилъ къ своимъ русскимъ подданнымъ“, представить русскій

[1]) Бар. Корфъ. „Жизнь гр. Сперанскаго“ ч. I, стр. 179.
[2]) Виг. Зап. III, VI, 69.
[3]) Ibid стр. 70.
*) Университеты были учреждены въ Вильнѣ, Дерптѣ, Казани, Петербургѣ и Харьковѣ.
[4]) Ibid.

народъ, „какъ народъ упрямый, лѣнивый, неблагодарный, не чувствующій цѣны мудрыхъ о немъ попеченій, народъ, коему не иначе, какъ насильно, можно творить добро"; [1]) причемъ „онъ увеличилъ въ глазахъ Царя число праздношатавшихся молодыхъ дворянъ-чиновниковъ".

Доводовъ этихъ въ устахъ Сперанскаго, по словамъ Вигеля, было достаточно, чтобы Имп. Александръ изъявилъ согласіе на изданіе указа, „многія лѣта многими тысячами проклинаемаго".

Вигель отстаиваетъ прежній порядокъ дѣлъ, идеализируя его и не видя въ немъ ни одной дурной стороны, и, наоборотъ, критикуетъ, переходя всякія границы, новый порядокъ, который долженъ былъ установиться съ изданіемъ разсматриваемаго указа.

Преимущества дворянъ въ служебномъ отношеніи предъ лицами изъ другихъ сословій, по мнѣнію Вигеля, основывались на ихъ дѣйствительной и полезной дѣятельности. „Самолюбіе заставляло служить почти всѣхъ дворянъ. Чины еще были въ уваженіи; для полученія ихъ смолоду вступали они въ службу, привыкали къ ней, полегоньку болѣе или менѣе знакомились съ дѣлами и, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, ѣхали въ провинцію облагораживать, украшать своимъ именемъ, своимъ состояніемъ, своею честностію мѣста предсѣдателей, прокуроровъ и совѣтниковъ. Подъ старость титулъ превосходительства ожидалъ ихъ, какъ вѣнецъ на концѣ съ честію пройденнаго длиннаго поприща" [2]) „Сколько было между ними, замѣчаетъ авторъ „Записокъ", людей умныхъ и способныхъ, которые скорѣе проживали имѣнія, чѣмъ наживались на службѣ!" [3])

Сперанскій, былъ совершенно неправъ, оклеветавъ предъ Государемъ молодыхъ дворянъ-чиновниковъ въ ничегонедѣланіи и лѣни. „Правда, говоритъ Вигель, между ними было много и такихъ людей, кои не почитали обязанностію часто посѣщать департаменты, къ коимъ принадлежали, лучше сказать, были только приписаны, и не хотѣли изнурять, убивать умственныя свои способности ежедневными, мелочными канцелярскими трудами. Они какъ будто бы и заслуживали упрекъ въ праздности; на самомъ дѣлѣ, больше другихъ трудились и занимались дѣ

[1]) Виг. Зап. III, VI, 70.
[2]) Ibid 72.
[3]) Ibid.

лами“. [1]) „Ихъ, заявляетъ авторъ „Записокъ“, почитали праздными, тогда какъ большую часть своего времени посвящали они чтенію, изученію иностранныхъ твореній о законодательствѣ, о политической экономіи; слѣдя за всѣми распоряженіями правительства, они втайнѣ порицали или одобряли ихъ и, не участвуя въ дѣлахъ его, безпрестанно ими занимались. Они медленнѣе подымались по лѣстницѣ чиновъ, за то шли они непринужденно, благородно и всегда готовые перейти на лѣстницу мѣстъ, гдѣ теорію своихъ знаній могли бы съ пользою приложить къ практикѣ дѣлъ текущихъ. Они не заслоняли дороги подъячимъ, которые шли путемъ людей дѣловыхъ, а они надѣялись быть государственными“. [2])

Хотя протекція родныхъ и знамкомыхъ имѣла, конечно значеніе для служебной карьеры дворянъ, однако безъ личныхъ заслугъ и достоинствъ, по словамъ Вигеля, нельзя было подняться высоко по ступенямъ іерархической лѣстницы. „Чины не были такъ расточаемы, какъ нынѣ, сохраняли еще свою цѣну; люди были умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ, и немногіе упорно лѣзли вверхъ. Чины получать даромъ можно было только въ Петербургѣ, и немногіе соглашались оставаться въ немъ цѣлую жизнь. Иной, подобно Простодуму въ „Хвастунѣ“ Княжнина, поклонами добившись до штабскаго чинишки, спѣшилъ похвастать имъ въ провинціи, и его высокоблагородіе оставалось навсегда въ своемъ помѣстьѣ, спокойно имъ управляя, и было пресчастливо, когда подъ старость дворянство выбирало его своимъ уѣзднымъ предводителемъ. Другіе довольно пріятно и весело (по большей части, въ англійскомъ клубѣ) выживали сроки, положенные для выслуги лѣтъ въ каждомъ чинѣ; они не думали занимать высокихъ мѣстъ, для которыхъ чувствовали себя неспособными, и. зная напередъ, что не пойдутъ далѣе чина коллежскаго совѣтника, имъ оканчивали расчеты своего чрезмѣрнаго честолюбія. Такіе люди, обыкновенно, достаточные помѣщики, съ семействами и прислугой поселяясь въ Петербургѣ, умножали въ немъ число потребителей и хорошее пристойное общество, которое знатная спѣсь называла среднимъ состояніемъ“. [3])

---

[1]) Виг. Зап. III, VI, 69—70.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

Такой порядокъ прохожденія гражданской службы, обычный для большинства дворянъ до изданія указа 6-го августа, по мнѣнію Вигеля, долженъ былъ оказывать вліяніе и на успѣхи просвѣщенія въ Россіи. „Чины были весьма легкимъ, хотя единственнымъ средствомъ для правительства, чтобы приманивать провинціальныхъ дворянъ-помѣщиковъ въ свою холодную, негостепріимную столицу. Если Европейское просвѣщеніе почитать благомъ для Россіи, то и въ этомъ отношеніи пребываніе ихъ въ Петербургѣ было полезно для его распространенія“. [1])

Затѣмъ Вигель переходитъ къ критикѣ самаго указа и излагаетъ, какія отсюда произошли послѣдствія.

Авторъ „Записокъ“ называетъ указъ нелѣпымъ, „что, по словамъ Вигеля, ослабляло въ общемъ мнѣніи всю жестокую его несправедливость“, и считаетъ безразсуднымъ заставлять не только совершеннолѣтняго, но даже и пожилого человѣка возвращаться къ школьной скамьѣ. „Люди, жившіе однимъ жалованьемъ и занимавшіе должности, которыя не оставляли имъ свободнаго времени, совсѣмъ не имѣли возможности отъ нихъ отрываться, чтобы ежедневно, хотя бы на нѣсколько часовъ, дѣлаться учениками“. Къ тому же въ числѣ наукъ, какія полагались для экзамена, были нѣкоторыя такія, „о коихъ чиновники прежде и не слыхивали, кои по роду службы ихъ были имъ вовсе безполезны, какъ напримѣръ: химія—для дипломата и тригонометрія—для судьи, и которыя тогдашніе профессора сами плохо знали“. [2])

Печальные результаты новаго порядка дѣлъ не замедлили обнаружиться. „Осужденные, несмотря даже на самыя лучшія способности, вѣкъ пресмыкаться въ самыхъ низкихъ должностяхъ, безкорыстные и благомыслящіе изъ чиновниковъ, имѣвшіе насущный хлѣбъ, по большей части, оставляли службу. Недобросовѣстные же и неимущіе вынуждены были беззаконною прибылью вознаграждать себя за лишеніе всего, что служба имѣла прежде для нихъ привлекательнаго“. [3])

За невозможностію во множествѣ оставляемыя прежними чиновниками мѣста замѣщать лицами съ соотвѣтствующимъ чиномъ, такъ какъ производства не было, правительство скоро

---

[1]) Виг. Зап. III, VI, 69.
[2]) Ibid. III, VI, 70.
[3]) Ibid.

должно было пойти на компромиссъ и отказаться отъ строгаго соблюденія указа. „Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ на мѣста пятаго класса, вице-губернаторовъ и предсѣдателей, начали опредѣлять надворныхъ совѣтниковъ; на мѣста же совѣтничьи, шестого класса, стали сажать коллежскихъ секретарей. Бывало, въ министерствѣ не знаютъ, что дѣлать съ помощникомъ столоначальника, ни къ чему не способнымъ: посылаютъ его совѣтникомъ въ губернію". [1]) „Послѣ того, прибавляетъ Вигель, можно себѣ представить, какіе люди соглашались оставаться тамъ секретарями и повытчиками. Всѣ мѣста вдругъ начали упадать, а чины не возвысились. Напротивъ, начался противъ нихъ какой-то заговоръ, какое-то нѣмое согласіе оказывать къ нимъ пренебреженіе". [2])

Хотя чиновники изъ дворянъ, оскорбленные и обиженные въ самыхъ лучшихъ своихъ надеждахъ, по большей части, по словамъ Вигеля, поспѣшили покинуть службу, „оставалось однакоже въ столицахъ довольно разъяреннаго честолюбія, чтобъ одержимые имъ, для удовлетворенія производимой имъ нестерпимой жажды, дерзали на все, даже на посрамленіе свое". [3]) Не будучи въ состояніи достигнуть цѣли законнымъ путемъ, они, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія, принуждены были прибѣгать къ нелегальнымъ средствамъ, заклеймившимъ позоромъ храмы наукъ. „Мы видѣли, свидѣтельствуетъ Вигель, людей съ сѣдѣющими головами, покупавшихъ книги, будто ихъ изучавшихъ и смѣло потомъ отправлявшихся въ университеты на экзаменъ, какъ на торговую казнь. Безъ тайнаго у нихъ согласія съ экзаменаторами (впрочемъ, весьма несвѣдущими) не могли-бъ они получить аттестатъ. Гнусное лихоимство, благодаря Сперанскому, проникло даже въ святилища наукъ. Люди, дотолѣ извѣстные чистотою правилъ, безсребренники-профессора осквернились взятками". [4]) Дурной, но оправдываемый необходимостью примѣръ стариковъ подѣйствовалъ заразительно и на молодежь. „Нѣсколько позже, провѣдавъ о томъ, продолжаетъ авторъ „Записокъ", молодые дворяне, желавшіе вступить въ службу, не брали труда ходить слушать лекціи, а просто за деньги получали аттестатъ, откры-

[1]) Виг. Зап. III, VI, 72.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

вавшій имъ дорогу къ почестямъ: самый нѣжный возрастъ научался дѣйствовать подкупомъ". [1])

Этотъ указъ, по мнѣнію Вигеля, нанесъ ущербъ и самому дѣлу просвѣщенія. „Преподаватели и профессора, простившись съ докторствомъ и магистерствомъ, устремились на тотъ путь, гдѣ имъ однимъ дозволено было идти быстро и до всего доходить".[2]) „Сколько людей, обѣщавшихъ блистать на кафедрѣ, замѣчаетъ Вигель, погребло свои дарованія въ канцеляріяхъ! Однимъ словомъ, университеты и гимназіи, сама ученая часть пострадала отъ чрезвычайныхъ привилегій, ей дарованныхъ".[3])

Не обошлось дѣло и безъ вреда для церкви „Всемѣрно завлекая студентовъ и семинаристовъ въ гражданскую службу, Сперанскій лишилъ и церковь твердыхъ ея подпоръ, достойныхъ пастырей, вѣщателей слова Божія, образцовыхъ проповѣдниковъ... Свѣтильники вѣры, Филареты и Ѳеофилакты, долго не появлялись у насъ послѣ изданія пагубнаго указа". [4])

Оканчивая критику указа, Вигель усматриваетъ въ немъ революціонные замыслы Сперанскаго и заподазриваетъ его разсчитаннымъ на возбужденіе среди дворянства недовольства правительствомъ и возмущенія.

„Въ нареканіяхъ, расточаемыхъ Вигелемъ по адресу Сперанскаго и дышащихъ чувствомъ крайняго раздраженія противъ него, говоритъ Ѳ. М. Дмитріевъ, была, разумѣется, доля правды. Радикальная ошибка новой мѣры состояла въ томъ, что она касалась не только будущаго, но не щадила и настоящаго. Въ сущности не было никакой необходимости подвергать настоящему истязанію людей, состарѣвшихся на службѣ, и достаточно было устранить необразованныхъ чиновниковъ на будущее время, назначивъ, напримѣръ, срокъ, послѣ котораго не допускалось бы производства безъ аттестата. Впрочемъ, это единственный серьезный упрекъ, который можно сдѣлать указу 6-го августа. Всѣ другіе разлетаются при первомъ внимательномъ взглядѣ. Въ особенности, Сперанскій показалъ тактъ государственнаго человѣка, требуя вообще университетскаго аттестата, а не спеціальнаго административнаго экзамена. Спеціальное испы-

[1]) Виг. Зап. III, VI, 72—73.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

таніе хорошо тамъ, гдѣ существуетъ наука права, гдѣ есть юридическая или политическая литература. Ничего этого тогда у насъ не было. Оставалось поэтому ограничиться требованіемъ общаго образованія съ цѣлію доставить службѣ людей, болѣе развитыхъ умственно и нравственно". [1])

Насколько возможно, эта цѣль и была достигнута „Со времени разсматриваемаго указа, замѣчаетъ ученый историкъ-юристъ, старинные подьячіе, наслѣдіе московскихъ приказовъ, постепенно стали отодвигаться въ ряды низшей администраціи, и уровень служебной нравственности, какъ ни низко стоялъ онъ по временамъ, началъ подниматься сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда безъ зазрѣнія совѣсти служба называлась „наживочными дѣлами", и люди, составлявшіе гордость потомства, не стыдились однако обкрадывать свое отечество". [2])

Но главнѣйшая польза указа, важнѣйшій плодъ его заключались въ послѣдствіяхъ косвенныхъ. „Этимъ указомъ, по словамъ бар. Корфа, возбуждено было, если еще не общее, то на первый разъ хотя въ высшихъ классахъ стремленіе давать юношеству приличное образованіе. Сначала это возбужденіе было, такъ сказать, насильственное, наперекоръ правамъ и старинымъ понятіямъ; потомъ дѣйствіемъ времени и даннымъ однажды движеніемъ оно вошло въ общую привычку,—словомъ, изъ средства искусственнаго обратилось въ естественный порядокъ вещей". [3])

Временныя несправедливости и неудобства указа прошли и изгладились, но данное имъ благодѣтельное направленіе осталось навсегда.

Относительно обоихъ вышеизложенныхъ и разсмотрѣнныхъ указовъ біографъ гр. Сперанскаго дѣлаетъ такой общій отзывъ: „Оба эти постановленія, по своему вліянію на умы, составили въ то время эпоху; оба были очень важны въ видахъ государственныхъ; оба, наконецъ, присоединились къ числу главнѣйшихъ причинъ общественной непріязни противъ ихъ автора, но оба пережили его и живутъ еще и теперь: одно—въ полномъ своемъ объемѣ и дѣйствіи, другое, —если не въ са-

[1]) Ѳ. М. Дмитріевъ. „Сперанскій и его государствен. дѣятельн." Русск. арх. 1868 г. стр. 1639—1640.

[2]) Ibid.

[3]) Бар. Корфъ „Жизнь гр. Сперанскаго" ч. I стр. 185.

мой буквѣ, то въ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ своихъ на народное просвѣщеніе. [1])

Преобразованіе Государственнаго Совѣта. (1810 г.)

„Въ день Новаго Года (1 января 1810 г.), разсказываетъ Вигель, всѣ, воротившіеся изъ дворца отъ обѣдни, не одинъ коробъ, а цѣлый возъ привезли съ собой вѣстей". [2]) Въ томъ числѣ было извѣстіе о преобразованіи Совѣта.

„Совѣтъ, при томъ устройствѣ, какое дано было ему въ первые дни царствованія Александра (1801 г.), по словамъ барона Корфа, не имѣлъ ни точно опредѣленной роли и круга дѣйствій, ни большого вліянія на дѣла государственныя и вообще составлялъ родъ учрежденія домашняго, безгласнаго, затемненнаго при томъ не согласненнымъ съ нимъ учрежденіемъ министерствъ". [3])

Вигель также признаетъ, что „Совѣтъ никогда менѣе не занимался, ничего не могъ сдѣлать, ничего не дѣлалъ и въ новомъ образованіи своемъ успѣлъ уже состарѣться". [4]) Однако, говоря ниже о преобразованіи Совѣта, авторъ „Записокъ" не видитъ основаній для реформы, кромѣ желанія Сперанскаго „посредствомъ его управлять цѣлою Россіей". [5])

Преобразованіе Совѣта выразилось въ опредѣленіи подробностей его внутренняго устройства; причемъ Сперанскій, по мнѣнію проф. Ключевскаго, обнаружилъ замѣчательныя организаторскія способности.

Подобно тому какъ раньше Сперанскимъ была раздѣлена на четыре экспедеціи канцелярія Совѣта, [6]) такъ теперь самый Совѣтъ былъ раздѣленъ имъ на столько же департаментовъ: законовъ, военныхъ дѣлъ, сухопутныхъ и морскихъ, граждан-

---

[1]) Бар. Корфъ „Жизнь гр. Сперанск. ч. I стр. 173.
[2]) Виг. Зап. III, VII, 78.
[3]) Бар. Корф. „Жизнь гр. Сперанскаго, ч. I, стр. 113. Ср. А. Н. Пыпинъ „Общ. движ. Россіи при Имп. Ал. I" стр. 136.
[4]) Виг. Зап. III, VII, 78.
[5]) Ibid.
[6]) См. стр. 20.

скихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи. Совѣтъ сталъ называться Государственнымъ и долженъ быть имѣть председателя, „чего дотолѣ не было". Каждый изъ департаментовъ также получилъ особаго председателя и нѣсколько членовъ. Кромѣ общей канцеляріи Совѣта, правитель которой сталъ называться государственнымъ секретаремъ, при всѣхъ департаментахъ было образовано по особой отдѣльной канцеляріи; управляющіе канцеляріями департаментовъ получили титулъ статсъ-секретарей и были подчинены государственному секретарю.

Такъ устроенный въ техническомъ или канцелярскомъ отношеніи, Совѣтъ, по мнѣнію Вигеля, получилъ самую широкую компетенцію: „Всѣ дѣла особенной важности должны были подлежать разсмотрѣнію одного изъ его департаментовъ или общаго ихъ собранія. Жалобы тяжущихся Государю на рѣшенія Сената, пропущенныя чрезъ вновь учрежденную Комиссію прошеній,*) также должны были въ Совѣтѣ разсматриваться и перерѣшаться. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался высшей инстанціей, соединявшею въ себѣ правительственную, законодательную и судебную власти." [1])

„Сперанскій былъ только что тайный совѣтникъ и, не смѣя себя предложить на мѣсто председателя Совѣта,.... смиренно, говоритъ Вигель, заступилъ мѣсто правителя канцеляріи Совѣта, только уже подъ созданнымъ имъ названіемъ государственнаго секретаря". [2])

Но, „давъ Совѣту новую жизнь, новую силу" и сосредоточивъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ преобразованнаго Совѣта, Сперанскій, благодаря близости и довѣрію къ нему Монарха, попрежнему мечтавшаго о введеніи въ Россіи представительнаго образа правленія, умѣлъ превратить Совѣтъ въ орудіе собственнаго и безраздѣльнаго управленія всѣмъ Государствомъ. „Въ картинахъ, въ романахъ, даже въ исторіи, говоритъ Вигель, смотримъ мы съ удовольствіемъ на ужасы, при видѣ коихъ въ сущности мы бы содрагнулись. Такъ-то было и съ Императоромъ Александромъ: отецъ его, какъ увѣряютъ, неохотно бы согласился лично находиться въ сраженіяхъ, а безъ памяти любилъ маневры; сынъ же всегда любилъ

*) Разумѣется „Канцелярія Е. И. В. по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ".

1) Виг. Зап. III, VII, 78.

2) Ibid III, VII, 78—79.

тѣшиться искусственнымъ изображеніемъ представительнаго правленія. Кому лучше Сперанскаго можно было знать это? Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ умѣлъ онъ въ глазахъ Царя представить подобіемъ верхней и нижней камеръ парламента, тогдашнихъ французскаго Сената и Законодательнаго корпуса, [1]) тогда какъ они съ ними ничего не имѣли общаго. Совѣтъ былъ ни что иное, какъ самъ Сперанскій, который предлагалъ въ немъ къ слушанію дѣла, потомъ, среди общаго молчанія членовъ, самъ разсуждалъ о нихъ и опредѣленія свои давалъ имъ подписывать. Сенатъ же упалъ ниже прежняго, превратился въ какую-то кассаціонную палату". [2])

Въ русской историко-юридической литературѣ, въ лицѣ такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ профессора: Сергѣевичъ, Романовичъ-Славатинскій и Владимірскій-Будановъ, долго держалось убѣжденіе, что Государственный Совѣтъ, преобразованный согласно положенію 1 января 1810 года, являлся первымъ практическимъ примѣненіемъ составленнаго Сперанскимъ „общаго плана государственнаго преобразованія Россіи" и до новой реформы 15 апрѣля 1842 года имѣлъ значеніе органа, который сдерживалъ и ограничивалъ власть и права Монарха. [3])

Но профессора Коркуновъ и Ключевскій это мнѣніе отвергаютъ. [4])

Государственный Совѣтъ, состоя изъ членовъ по назначенію Государя и не имѣя права законодательной иниціативы, являлся коллегіально совѣщательнымъ учрежденіемъ при особѣ Монарха.

Важнѣйшія дѣла административно-судебнаго характера и вопросы текущаго законодательства вносились въ Совѣтъ, только съ предварительнаго разрѣшенія верховной власти, и результатъ обсужденія въ видѣ краткихъ извлеченій представлялся Императору, съ изложеніемъ, какъ мнѣній большинства и меньшинства, такъ и отдѣльныхъ мнѣній. Государь, не стѣсняясь ариѳметикой, утверждалъ одно изъ представленныхъ мнѣній, постановлялъ собственное рѣшеніе или возвращалъ вопросъ въ Совѣтъ для новаго разсмотрѣнія. Новый законъ опубликовы-

[1]) Ср. Н. Карѣевъ „Истор. Западн. Евр. въ новое время" т. IV, стр. 89—93.

[2]) Виг. Зап. III, VII, 79.

[3]) Ср. А. Н. Пыпинъ „Общ. движ. въ Россіи при Имп. Ал. I" стр. 137—139 и стр. 143, прим.

[4]) Коркуновъ „Русск. госуд. право" ч. II, стр. 67—75. Проф. В. О. Ключевскій „Курсъ лекцій по русской исторіи".

вался, какъ „Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта“.

Тѣ же самые вопросы, которые входили въ компетенцію Совѣта, по Высочайшему повелѣнію, могли поступать, помимо Совѣта, и въ Комитетъ министровъ или даже докладъ отдѣльнаго министра могъ получить утвержденіе Государя и стать закономъ.

По поводу преобразованія Совѣта баронъ Корфъ говоритъ, что „приведено было въ дѣйствіе лишь то, что самъ онъ (Сперанскій) считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша.“ [1])

Вигель, полагая, что преобразованный Совѣтъ „былъ ни что иное, какъ самъ Сперанскій“, самое назначеніе въ Совѣтъ считаетъ только искуснымъ средствомъ въ рукахъ полномочнаго государственнаго секретаря устранять отъ прямого вліянія на ходъ дѣлъ управленія неугодныхъ ему лицъ, со стороны которыхъ онъ могъ ожидать противодѣйствія своей дѣятельности. „Мѣста председателей департаментовъ Совѣта, поставленныя выше званій министровъ, какъ въ томъ скоро убѣдились, были ни что иное, по словамъ Вигеля, какъ необидное, благовидное отъ сихъ послѣднихъ увольненіе“. [2]) Министры чрезъ опредѣленіе въ Совѣтъ, удаляясь со сцены непосредственной государственной дѣятельности, обрекались на полное и вынужденное бездѣйствіе.

Свой взглядъ Вигель старается подтвердить, обращая вниманіе на то, кто изъ министровъ и на какомъ условіи былъ назначенъ въ преобразованный Совѣтъ.

Между тѣмъ какъ государственный канцлеръ гр. Румянцевъ, „котораго все время поглощали затруднительныя тогда дипломатическія занятія“, былъ назначенъ предсѣдателемъ Совѣта, съ оставленіемъ въ прежней должности министра иностранныхъ дѣлъ, министръ юстиціи кн. Лопухинъ и министръ народнаго пресвѣщенія гр. Завадовскій были сдѣланы: первый—предсѣдателемъ департамента законовъ, второй—предсѣдателемъ департамента гражданскихъ дѣлъ, бывъ предварительно уволены съ занимаемыхъ ими прежде постовъ. Вигелю не понятно,

---

[1]) А. Н. Пыпинъ „Общ. движ. въ Россіи при Имп. Ал. I“, стр. 134—135.
[2]) Виг. Зап. III, VIII, 79.

почему совмѣщеніе двухъ должностей, которое возможно было для гр. Румянцева, не было допущено для двухъ послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что „они оба были извѣстны своимъ умомъ и опытностію“. Такую непослѣдовательность авторъ „Записокъ“ объясняетъ секретнымъ намѣреніемъ Сперанскаго имѣть министровъ „помоложе и попокорнѣе“. [1])

Говоря далѣе о назначеніи гр. А. А. Аракчеева на мѣсто предсѣдателя департамента военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ дѣлъ, точно также съ удаленіемъ съ прежняго поста военнаго министра, Вигель недоумѣваетъ, „кто въ этомъ дѣлѣ былъ обманутъ, Государь ли или Аракчеевъ? И не оба ли вмѣстѣ?“

Съ одной стороны, по мнѣнію Вигеля, здѣсь можно видѣть желаніе Государя расширить кругъ занятій и сферу власти гр. Аракчеева, „которому Имп. Александръ никогда не оказывалъ болѣе любви и довѣренности“. Съ другой стороны, можно сдѣлать и иное предположеніе: „Можетъ быть, Государь, наскучивъ безпрестаннымъ несогласіемъ Аракчеева съ главнокомандующими арміями, ожидая отъ того вредныхъ послѣдствій въ случаѣ болѣе обширной войны, *) внимая жалобамъ всего войска, которыя были слишкомъ громки, чтобы не доходить до него; можетъ быть, тайно негодуя за то, что Аракчеевъ, не уважая его выборовъ, не хотѣлъ щадить ни единаго изъ его военныхъ любимцевъ, а между тѣмъ желая показать, что онъ не уступаетъ общему мнѣнію, Государь искалъ средства, какъ будто возвышая его, устранить отъ такой части, которою самъ онъ тогда исключительно любилъ заниматься и въ которой министръ его не оставлялъ ему почти никакого дѣла“. [2])

Опредѣленіе гр. Аракчеева предсѣдателемъ одного изъ департаментовъ преобразованнаго Совѣта, подъ видомъ повышенія совсѣмъ устраняя его отъ дѣлъ, должно было одновременно удовлетворить и Имп. Александра и Сперанскаго, который давно „желалъ парализовать могущество Аракчеева“. Но и самъ гр. Аракчеевъ охотно согласился оставить военное министерство, чтобы занять мѣсто въ Совѣтѣ, полагая, что „не одна армія, но, наконецъ, и весь флотъ попалъ въ его желѣзныя лапы“. [3])

---

[1]) Виг. Зап. III, VII, 79.

*) Въ то время Россія находилась въ войнѣ съ Турціей (1806—1812 г.)

[2]) Ibid III, VII, 79—80.

[3]) Ibid.

Истинными причинами необходимости расширить Совѣтъ и дать ему публичныя формы, къ чему, въ существѣ дѣла, и сводилось преобразованіе Совѣта, самъ М. М. Сперанскій въ одной изъ докладныхъ своихъ записокъ представлялъ два обстоятельства, не терпѣвшія, по его мнѣнію, отлагательства: „а) Положеніе нашихъ финансовъ, писалъ онъ, требуетъ непремѣнно новыхъ и весьма нарочитыхъ налоговъ, безъ чего никакъ и ни къ чему приступить невозможно. Налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностію и подробностію доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно, очевидность сію должно замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ произвола, но точно необходимостію, признанною и представленною отъ Совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ, власть державная сохранитъ къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастія самого народа; она охранитъ себя отъ всѣхъ неправыхъ нареканій, заградитъ уста злонамѣренности и злословію, и самые налоги не будутъ казаться столь тягостными съ той минуты, какъ признаны будутъ необходимыми; б) смѣшеніе въ Сенатѣ дѣлъ суда и управленія дошло уже до такого безпорядка, что, независимо отъ общаго преобразованія, нельзя болѣе отлагать нужныя мѣры исправленія, а мѣры сіи во всѣхъ предположеніяхъ не могутъ быть иначе приняты, какъ отдѣленіемъ части управленія и назначеніемъ ей особеннаго порядка“. [1])

Итакъ, не какіе-нибудь замыслы Сперанскаго, но положеніе нашихъ финансовъ, требовавшее непремѣнно новыхъ и обременительныхъ налоговъ, и дошедшее до послѣдней степени безпорядка смѣшеніе въ Сенатѣ дѣлъ суда и управленія были настоящими причинами преобразованія Совѣта.

Въ общемъ отчетѣ своемъ Государю о дѣятельности Совѣта за 1810 г. государственный секретарь писалъ: „Излишне бы было изображать здѣсь пользу сего установленія. Приводя его въ движеніе и поддерживая личнымъ Вашимъ дѣйствіемъ, Ваше Величество лучше другихъ можете объять все его вліяніе на общее благоустройство. Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы не были раз-

[1]) А. Н. Пыпинъ „Общ. движеніе въ Россіи при Имп. Ал. I“ стр. 136.

сматриваемы съ большею зрѣлостью, какъ нынѣ; никогда Государю Самодержавному не представляли истины съ большею свободою, такъ какъ и никогда, должно правду сказать, Самодержецъ не внималъ ей съ большимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы Россійскій Императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: „внявъ мнѣнію Совѣта"; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ Величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое Совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню". [1])

Сохраняя убѣжденіе въ пользѣ своего творенія, Сперанскій не могъ не сознавать недостатковъ, происходившихъ отъ личнаго состава Совѣта. „Но сколь далеко еще отстоитъ, говорилъ онъ въ томъ же отчетѣ, установленіе сіе отъ совершенства! Время, съ коего начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще непродолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограниченно, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, избирать только тѣхъ, кои, по чинамъ ихъ и званіямъ, могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ составѣ Совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобъ съ перваго шага поравнялся онъ, въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній, съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ существуютъ". [2])

Вслѣдствіе не вполнѣ удовлетворительнаго личнаго состава реформированнаго Совѣта, на первыхъ порахъ его историческаго существованія, всѣ дѣла, входившія въ компетенцію его дѣятельности, всей своей тяжестью, естественно, должны были обрушиваться на одного почти государственнаго секретаря, который и являлся главной дѣйствующей пружиной сложнаго административнаго механизма, приводимаго въ

[1]) А. Н. Пыпинъ „Общ. движеніе въ Россіи при Имп. Ал. I" стр. 143.

[2]) А. Н. Пыпинъ „Общ. движеніе въ Россіи при Имп. Ал. I" стр. 143—144.

движеніе и направляемаго Высочайшею рукою Монарха. Между тѣмъ, изъ этого послѣдняго обстоятельства и исходитъ, повидимому, злостная и несправедливая критика Вигеля.

Преобразованіе министерствъ (1810—1811 г.)

Между тѣмъ какъ Россія была занята войной съ Турціей и подъ ударами русскаго оружія пала, наконецъ, послѣдняя турецкая крѣпость на Дунаѣ—„Ужасный Рущукъ", въ Петербургѣ происходила „ломка и перестройка внутренняго управленія".

„Что происходило въ Петербургѣ, говоритъ авторъ „Записокъ", стоило Рущукскаго дѣла. Въ продолженіе цѣлаго лѣта (1810 г.) все государственное зданіе трещало и ломилось подъ всесокрушительной и всезиждительной десницей Сперанскаго. Спокойно-величаво стоявшія дотолѣ коллегіи падали одна за другой, и изъ развалинъ ихъ скромно поднимались департаменты. Уже названіе сіе перестало быть присвоено цѣлому министерскому управленію, а только частямъ его, которыя наслѣдовали покойнымъ коллегіямъ. Наименованіе управляющихъ экспедиціями исчезло и замѣнилось названіемъ директоровъ. Іерархія мѣстъ и лицъ сдѣлалась весьма не длинна и не сложна: министерства дѣлились на департаменты, департаменты на отдѣленія, отдѣленія на столы, коими управляли министры, директоры, начальники отдѣленій и столоначальники". [1])

Сказавъ, какъ не сложна была новая внутренняя организація министерствъ, Вигель прибавляетъ, что „не все однакоже, что на взглядъ просто, бываетъ удобно и легко". [2])

Вигель соединяетъ съ административной реформой Сперанскаго начало и развитіе въ Россіи бюрократической системы управленія, характеризуемой, при сухомъ канцелярскомъ формализмѣ, деспотическимъ отношеніемъ высшихъ органовъ администраціи къ низшимъ, такъ что автору „Записокъ" каза-

---

1) Виг. Зап. III, IX, 107.

2) Ibid.

лось, что „все министерское управленіе у насъ состоитъ изъ деспотовъ“.[1])

Авторъ „Записокъ“, вообще слишкомъ преувеличивая дѣло, указываетъ, въ какой уродливой формѣ сплошь и рядомъ могли выражаться взаимоотношенія министровъ и ихъ ближайшихъ помощниковъ-директоровъ департаментовъ.

„Министры съ познаніями, съ образованіемъ, говоритъ Вигель, понимаютъ всю важность званія начальниковъ департаментовъ и видятъ въ нихъ своихъ товарищей, главныхъ своихъ сотрудниковъ. Но царскій выборъ не падаетъ ли иногда на грубіяна, на невѣжду, на неуча, взятаго изъ военныхъ рядовъ, гдѣ не годился онъ? Случайно достигнувъ власти, иной не думаетъ о пользѣ, для которой она ему дана, а спѣшитъ показать ее надъ подчиненными. Ближайшими, первыми жертвами его кто! Директоры департаментовъ. Я не стану описывать ихъ мученій при объясненіи дѣлъ министру несвѣдущему, безтолковому и между тѣмъ самонадѣянному, а буду только говорить о формѣ взаимныхъ ихъ сношеній. Во всякое время дня и ночи министръ имѣетъ право призвать директора и заставить его заниматься. Если первый любитъ точность, то промедленіе въ явкѣ послѣдняго можетъ навлечь ему жесточайшій выговоръ, хотя бы разница была въ нѣсколькихъ минутахъ и происходила отъ невѣрности часовъ. Когда же, напротивъ, министръ распоряжается своимъ временемъ не съ великою точностью, то еще хуже для директора. Прибывъ по волѣ его въ назначенное имъ время, по нѣскольку часовъ, иногда голодный и изнуренный, принужденъ бываетъ онъ дожидаться, пока начальникъ его принимаетъ или дѣлаетъ посѣщенія, или забылъ о немъ, или занимается другимъ дѣломъ; хорошо еще, когда учтивость заставитъ его слегка предъ нимъ извиниться. Были министры, которые директорамъ своимъ говорили: „гей ты, какъ бишь тебя!“ [2])

По словамъ Вигеля, директоры департаментовъ должны были „часто разыгрывать роль Виктора Гюго въ положеніи камердинера“, не только не имѣя права поднять голосъ, въ случаѣ несправедливости министра, но даже не смѣя свободно выйти въ отставку, безъ опасенія быть обвиненными въ возмущеніи противъ власти.

---

[1]) Виг. Зап. III, IX, 109.

[2]) Ibid III, IX, 108.

Такой ненормальный порядокъ дѣлъ Вигель признаетъ слѣдствіемъ недостатковъ, не предусмотрѣнныхъ при учрежденіи министерствъ и не восполненныхъ при ихъ преобразованіи. Между тѣмъ какъ министры, нерѣдко люди безъ всякихъ нравственныхъ достоинствъ, избираемые самимъ царемъ, обладали полнымъ произволомъ власти, положеніе директоровъ департаментовъ не было опредѣлено закономъ. „Никакого права, на которое могли бы опереться сіи беззащитные передъ министромъ, заявляетъ Вигель, Сперанскимъ дано имъ не было, что не доказываетъ дурной его умыселъ, а только недальновидность. Вотъ почему нельзя винить ни министровъ, которые слишкомъ забываются, ни директоровъ, которые все переносятъ отъ нихъ; все происходитъ отъ недостатковъ въ учрежденіи министерствъ“. [1])

Сперанскій, преобразуя министерства, „умѣлъ уронить, убить титулъ директора, при самомъ его созданіи, распространивъ его на правителей канцелярій министерствъ“. [2]) Благодаря этому обстоятельству и произошелъ, по мнѣнію Вигеля, неправильный взглядъ министровъ на директоровъ департаментовъ, какъ на „простыхъ, обыкновенныхъ, хотя болѣе чиновныхъ секретарей“, между тѣмъ какъ „эти люди въ новомъ государственномъ порядкѣ должны были представлять президентовъ коллегій, изъ коихъ нѣкоторые еще недавно украшались Андреевскою лентой“. [3])

Верховная власть, оставаясь, по винѣ Сперанскаго, въ невѣдѣніи относительно „достоинства званія директоровъ“, точно также видѣла въ нихъ „ничто иное, какъ канцелярскихъ служителей“, которыхъ „за описку въ какой-либо бумагѣ можно было посадить на гауптвахту съ тѣмъ, чтобы черезъ два дня, по освобожденіи изъ-подъ ареста, снова допустить въ управленіе департаментомъ“. Отсюда верховная власть снисходительно смотрѣла и на всѣ тѣ униженія, переходившія всякія границы приличія, какимъ директоры департаментовъ подвергались со стороны министровъ.

Но и деректоры департаментовъ, третируемые министрами, часто не знали предѣла гнѣву и оскорбленіямъ, съ какими обрушивались на своихъ подчиненныхъ. „Надобно посмотрѣть, говоритъ авторъ „Записокъ“, какъ и нѣкоторые ди-

[1]) Виг. Зап. III, IX, 109.
[2]) Ibid III, IX, 107.
[3]) Ibid

ректоры неудовольствія свои вымѣщаютъ на подчиненныхъ, какъ съ ними вознаграждаютъ они себя за претерпѣваемыя униженія! Въ свою очередь, у себя дома или въ департаментѣ, какъ мастерски перенимаютъ они роль у министровъ! Лучше всѣхъ изъ нихъ выполняютъ сіе аристократы, когда случайно занимаютъ такія должности. Имъ удобнѣе то дѣлать; подобострастіе къ министру, въ которомъ не уступаютъ они бюрократамъ, цѣнится гораздо выше, и они служащихъ подъ ихъ начальствомъ рѣшительно подавляютъ своею спѣсью. Тѣ, которые до директорства дошли изъ низкаго состоянія, поступками своими напоминаютъ римскихъ отпущенниковъ". [1])

Не остались безъ вліянія на положеніе дѣлъ, по предположенію Вигеля, и указы Сперанскаго, которые, съ одной стороны, привлекли въ гражданскую службу и знать, считавшую своимъ удѣломъ „придворные чины, золотые мундиры и блескъ", съ другой—открыли доступъ къ самымъ высшимъ должностямъ разночинцамъ, бюрократамъ, „людямъ съ странными и неслыханными именами", нерѣдко при томъ даже нерусскаго происхожденія. „Аристократы, которыхъ Имп. Александръ почти насильно пагналъ въ гражданское вѣдомство, вмѣсто того, чтобы его облагородить, по словамъ автора „Записокъ", были для него настоящею язвою. Въ малыхъ чинахъ и мѣстахъ, они ничего не дѣлали, гнушались своими сослуживцами и, поддержанные цѣлою кастою своею, ругались надъ ближайшими своими начальниками; тѣ, которые занимали высшія мѣста, сдѣлались скоро добычею бюрократовъ и нѣмцевъ. Опытность и раболѣпство тѣхъ и другихъ должны были нравиться ихъ надменности и маловѣдѣнію. Ихъ тайно предпочитали они людямъ благородно-рожденнымъ и благородно-мыслящимъ, покорнымъ, но не согнутымъ передъ ними; ихъ старались выводить, изъ нихъ министры выбирали директоровъ, директоры начальниковъ отдѣленій. Тщеславію аристократовъ лестно было видѣть въ чинахъ и лентахъ тѣхъ, коихъ они могли почитать своими челядинцами". [2])

Такимъ образомъ, „мало-по-малу все то, что сначала могло казаться злоупотребленіемъ власти, обратилось, наконецъ, въ общепринятый обычай".

---

[1]) Виг. Зап. III, IX, 109.

[2]) Ibid III, IX, 108—109.

Новая внутренняя организація министерствъ, приведенная въ дѣйствіе манифестомъ отъ 25-го іюня 1811-го года и существующая въ главныхъ чертахъ и понынѣ, подвергается осужденію Вигеля, какъ слѣпое и безразсудное подражаніе административнымъ порядкамъ Франціи въ эпоху директоріи. „Сперанскій, говоритъ авторъ „Записокъ", былъ еще молодъ, спѣшилъ блеснуть и въ торопяхъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ списать точь-въ-точь учрежденіе министерствъ, коимъ Французская директорія надѣялась поболѣе людей привязать къ своему существованію, со всѣмъ преувеличеннымъ его содержаніемъ, со всѣмъ излишествомъ должностей. Въ немъ признали творца, точно такъ же, какъ предки наши, не знавшіе Корнеля и Расина, дивились изобрѣтательности Сумарокова и Княжнина". [1])

Говоря о новомъ распредѣленіи дѣлъ по министерствамъ, согласно Высочайшему указу отъ 25-го іюля 1810-го года, Вигель подробно описываетъ составъ только двухъ министерствъ, болѣе другихъ подвергшихся измѣненію: министерства финансовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ.

Министерство финансовъ обращаетъ особенное вниманіе Вигеля, такъ какъ „ни къ одному изъ остальныхъ министерствъ не было отмежевано столько департаментовъ, какъ къ министерству финансовъ".

Въ составъ его входили слѣдующія части: „1) департаментъ внѣшней торговли, бывшая коммерцъ-коллегія, до того министерство; 2) департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, бывшая бергъ-коллегія, съ соляною частію, у министерства внутреннихъ дѣлъ отнятою; 3) департаментъ податей и сборовъ, въ который поступили дѣла бывшей камеръ-коллегіи; 4) департаментъ казначейства, часть, коею управлялъ дотолѣ государственный казначей, почти министръ и перешедшій въ званіе простого директора; 5) вновь учрежденный департаментъ государственныхъ имуществъ, составленный изъ бывшаго лѣсного департамента и частей, по разнымъ другимъ вѣдомствамъ разсѣянныхъ, и 6) канцелярія, которая обширностію своею могла равняться съ другими департаментами". [2]) Сверхъ того къ вѣдомству министерства финансовъ принадлежали три банка: заемный, ассигнаціонный и коммерческій.

---

[1]) Виг. Зап. II, I, 9. Ср. Н. Карѣевъ „Исторія Западной Европы въ новое время" т. III, стр. 620—622

[2]) Виг. Зап. III, IX, 110.

Компетенція министерства финансовъ была значительно увеличена на счетъ другихъ министерствъ, изъ которыхъ одно (министерство коммерціи) цѣликомъ было поглощено имъ, другія пожертвовали въ пользу его только нѣкоторыми частями. Между тѣмъ, по замѣчанію автора „Записокъ", двигателей такой огромной машины съ столь сложнымъ механизмомъ, если не считать Сперанскаго, было всего два человѣка, т. е. министръ и его товарищъ.

Нагроможденіе массы дѣлъ въ министерствѣ финансовъ при двухъ-трехъ лицахъ, которыя должны были заправлять ходомъ ихъ, выставляется на видъ Вигелемъ съ явною цѣлію показать, что при такомъ условіи исправное теченіе дѣлъ въ этомъ министерствѣ было невозможно. Сперанскій, по мнѣнію Вигеля, мало интересуясь этимъ обстоятельствомъ, заботился только объ одномъ, чтобы расширить кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ министерству финансовъ, и тѣмъ увеличить сферу своей непосредственной власти. Дѣло въ томъ, что со времени удаленія Ѳ. А. Голубцова, извѣстнаго осторожностью образа дѣйствій и самостоятельностью характера, съ поста министра финансовъ и съ назначеніемъ на его мѣсто Д. А. Гурьева, который, „случайно попавъ въ знатность изъ ничтожества,..... при дурацкой напыщенности,... по словамъ Вигеля, не обладалъ никакими способностями...... и оставался только именемъ министръ финансовъ", министерствомъ, вѣдавшимъ важнѣйшія отрасли администраціи, управлялъ самъ Сперанскій. [1])

Министерство внутреннихъ дѣлъ, „которое Сперанскій любилъ, образовалъ, въ которомъ пять лѣтъ служилъ онъ управляющимъ экспедиціей государственнаго благоустройства, переименованной въ департаментъ полиціи исполнительной" [2]), по словамъ автора „Записокъ", попало въ немилость къ нему. Оно сильно сократилось въ объемѣ своего вѣдомства. Помимо того, что нѣкоторыя части отошли къ вѣдомству министерства финансовъ, Сперанскій раскололь его на-двое, второй половинѣ давъ названіе министерства полиціи

Отъ прежняго министерства внутреннихъ дѣлъ оставили новому только два департамента: бывшую экспедицію государственнаго хозяйства, „изъ которой кое-что повыбрали, чтобы отдать министерству финансовъ", и почтовый департаментъ,

[1]) Виг. Зап. III, VII, 84—87. Ср. Брокгаузъ и Ефронъ „Энциклоп. слов." т. XVII, стр. 122. и т. XVIII, стр. 919—920.

[2]) Ibid III, IX, 110.

„недавно въ сіе министерство поступившій и называвшійся дотолѣ главнымъ почтовымъ правленіемъ“. „Чтобы сколько-нибудь скрыть худобу его, говоритъ Вигель, сочинили ему третій департаментъ, которому не умѣли сыскать другого названія, какъ хозяйственнаго, хотя былъ уже департаментъ государственнаго хозяйства, что сначала въ перепискѣ много спутывало губернаторовъ. Департаментъ сей долженъ былъ заниматься по дѣламъ приказовъ общественнаго призрѣнія и богоугодныхъ заведеній, отъ нихъ зависящихъ“. [1])

Какъ бы то ни было, по словамъ автора „Записокъ“, „министерство внутреннихъ дѣлъ, которое при Кочубеѣ и Куракинѣ, равно какъ и вездѣ, во всѣхъ другихъ Европейскихъ государствахъ, почиталось всегда первымъ, никогда не могло подняться послѣ удара, въ семъ году (1810 г.) ему нанесеннаго. Играя въ департаменты, иногда и дѣлало оно нѣкоторыя пріобрѣтенія, но подъ конецъ всегда оставалось въ проигрышѣ и безпрестанно коротѣло“. [2])

Преобразованіе министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ думаетъ Вигель, ближайшимъ образомъ было разсчитано на то, чтобы заставить выйти въ отставку кн. А. Б. Куракина, „который былъ непріятенъ Сперанскому по личнымъ воспоминаніямъ, и которому онъ никогда не могъ простить того, что былъ у сына его учителемъ“. [3])

На мѣсто кн. Куракина былъ назначенъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ, литераторъ и членъ Россійской академіи, котораго Вигель считаетъ сторонникомъ Сперанскаго и восторженнымъ почитателемъ Наполеона. Козодавлевъ, по словамъ Вигеля, „любилъ Дворъ до обожанія и для полученія милости Царя или даже хорошаго расположенія его приближенныхъ готовъ онъ былъ все сдѣлать. Знакомые его могли на немъ, какъ на барометрѣ, справляться о состояніи придворной атмосферы. Готовыя мнѣнія получалъ онъ прямо изъ Дворца или изъ кабинета Сперанскаго и никакихъ другихъ себѣ не позволялъ.... Имени Наполеона никогда онъ не произносилъ безъ почтительнаго восклицанія“. [4])

Административная реформа Сперанскаго, правильнѣе разграничивъ дѣла по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, наиболѣе круп-

[1]) Виг. Зап. III, IX, 111—112.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid III. VII, 88.
[4]) Ibid III, IX, 112—113 Ср. Брокгаузъ и Ефронъ „Энциклопед. Слов.“ т. XXX, стр. 611.

ныя отрасли администраціи, для удобства управленія, выдѣлила въ самостоятельныя части.

По мнѣнію Вигеля, эта„ ломка и перестройка“ органовъ управленія, не вызываясь серьезными основаніями и объясняемая, по большей части, мотивами личнаго характера, только ухудшила положеніе дѣлъ, обременивъ государственную казну новыми и непроизводительными расходами. „Сперанскій разъ навсегда показалъ, говоритъ авторъ „Записокъ“, сколь мало затруднительно и даже какъ удобно въ Россіи кроить и перешивать министерства и департаменты. Сколько разъ потомъ видѣли мы, какъ послѣдніе производились въ первыя, а первымъ велѣли быть послѣдними“. [1]) „Еслибъ умноженіе дѣлъ и сложность ихъ, для быстрѣйшаго ихъ производства, замѣчаетъ Вигель, непремѣнно требовали умноженія мѣстъ и вѣдомствъ, то кто бы сталъ не одобрять сего, какъ мѣръ, принимаемыхъ мудростію правительства? Но какъ мы видимъ часто, что сіе дѣлается лишь въ удовлетвореніе честолюбія любимцевъ царскихъ, то какъ не пожалѣть о казнѣ и не опасаться еще болѣе путаницы въ дѣлахъ?“ [2])

Свое мнѣніе Вигель старается подтвердить, излагая обстоятельства учрежденія каждаго изъ четырехъ министерствъ, вновь образованныхъ Сперанскимъ.

Въ 1809 году возникло новое министерство, подъ именемъ Главной дирекціи путей сообщенія, будучи образовано, по словамъ Вигеля, изъ экспедиціи водяныхъ коммуникацій для принца Георгія Ольденбургскаго.

Въ 1810 году было учреждено еще три министерства: министерство полиціи, Государственный контроль и Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Вигель не находитъ никакого основанія для образованія въ Россіи особаго министерства полиціи, кромѣ одного только подражанія Франціи, гдѣ существованіе этого министерства оправдывалось самымъ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ. „Преобразователь Россіи, замѣчаетъ Вигель, забылъ или не хотѣлъ вспомнить, что въ положеніи двухъ Императоровъ была великая разница. Двѣ трети подданныхъ Наполеона почитали его хищникомъ престола и всегда готовы были къ заговорамъ и возмущеніямъ: пока онъ сражался съ внѣшними врагами

[1]) Виг. Зап. III, IX, 111.

[2]) Ibid.

своими, для удержанія внутреннихъ былъ ему необходимъ искусникъ Фуше́. То ли самое было въ Россіи? Сперанскому сильно того хотѣлось и, можетъ быть, преступныя желанія свои принималъ онъ за существенность". [1])

Министерство полиціи, состоявшее только изъ двухъ департаментовъ: полиціи исполнительной и медицинской, „было чрезвычайно сильно небольшой прибавкой, въ немъ сдѣланной, какъ иногда въ письмѣ post-scriptum изображаетъ всю важность цѣли его".

Эта прибавка была названа Особой канцеляріей. Правителемъ ея былъ назначенъ потомокъ французскаго эмигранта Яковъ-де-Сангленъ, который „передъ тѣмъ былъ частнымъ приставомъ и прославился наглостію, подлостію и проворствомъ своимъ" Вигель видитъ въ ней „возрожденіе Тайной канцеляріи, стыда и ужаса прошедшихъ временъ Россіи" и возстановленіе этого учрежденія, „при коронаціи Имп. Александра его благостію уничтоженнаго", считаетъ безпричиннымъ и напраснымъ. „Россія сдѣлалась нескромною, говоритъ авторъ „Записокъ", злилась на Государя, а все-таки, безъ памяти его любя, готова была всѣмъ ему пожертвовать". [2])

Государственный контроль представлялъ единственное изъятіе, которое Сперанскій сдѣлалъ изъ прежняго министерства финансовъ. „Части, составлявшія контроль, были столь малы, что Сперанскій, по словамъ Вигеля, посовѣстился дать имъ названіе департаментовъ, а оставилъ ихъ попрежнему экспедиціями. Само министерство, не получивъ наименованія сего, *) образовалось въ видѣ какой-то просто отдѣльной части". [3]) Управляющій этою частію получилъ титулъ не министра, а государственнаго контролера.

Вигель не видитъ необходимости появленія еще новаго министерства, Государственнаго контроля. „Когда до сихъ поръ губернскій контроль остается только частію Казенной палаты, то, право, не знаю, заявляетъ Вигель, зачѣмъ бы общую ревизію счетовъ отдѣлять отъ министра, отъ котораго казенныя палаты за висятъ?" [4])

---

[1]) Виг. Зап. III. IX, 111.

[2]) Ibid III, IX, 113.

*) Оно было названо Главнымъ управленіемъ ревизіи государственныхъ счетовъ.

[3]) IbidIII, IX, 115.

[4]) Ibid.

Причину образованія этого министерства авторъ „Записокъ" объясняетъ желаніемъ Сперанскаго доставить министерское мѣсто пріятелю своему, прежнему сослуживцу по департаменту внутреннихъ дѣлъ бар. Б. Б. Кампенгаузену. [1])

Другимъ карманнымъ министерствомъ, еще болѣе миніатюрнымъ, чѣмъ Государственный контроль, было Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, въ которомъ, по словамъ Вигеля, „съ самаго начала не было ни единой экспедиціи, ни единаго отдѣленія, а только небольшая канцелярія, зародышъ департамента". [2])

Это министерство, по мнѣнію автора „Записокъ", возникло исключительно благодаря капризу царскаго любимца, обнаружившаго честолюбивое желаніе сдѣлаться министромъ. Тотъ, для кого оно было создано, былъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода кн. А. Н. Голицынъ. Не рѣшаясь, въ удовлетвореніе его „честолюбивой зачеси", учредить министерство духовныхъ дѣлъ и такимъ образомъ „явно духовную власть подчинить мирской", изобрѣтательный Сперанскій нашелъ выходъ изъ затрудненія: управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій выдѣлили въ особую часть, и кн. Голицынъ, оставаясь синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, былъ назначенъ и главноуправляющимъ этою частію.

„Этотъ добрый, этотъ бѣдный князь, по словамъ Вигеля, дѣлался всегда собственностію людей, при немъ находившихся: то сумасбродовъ, то злоумышленниковъ, то невѣждъ, то изувѣровъ, и дѣянія его тотчасъ окрашивались ихъ мнѣніями и характеромъ. Неисчислимо зло, причиненное цѣлому государству симъ кроткимъ созданіемъ, которое, какъ слонъ Крыловой басни, съ умысломъ бы мухи не обидѣло". [3])

Отвергая личные мотивы въ дѣятельности Сперанскаго и относя ихъ къ области праздныхъ догадокъ автора „Записокъ", не будемъ спорить, что „французская система" управленія не осталась безъ вліянія на ходъ преобразованій. [4]) Однако несправедливо было бы только здѣсь видѣть источникъ реформы, которая, по справедливому мнѣнію проф. Ключевскаго, была

---

[1]) Виг. Зап. III, IX, 116.

[2]) Ibid III, IX, 119.

[3]) Ibid III, IX, 116—118. Ср. Брокгаузъ и Ефронъ „Энциклоп. слов." т. XVII, стр. 50—51.

[4]) А. Н. Пыпинъ „Общ. движ. въ Россіи при Имп. Ал. I", стр. 126.

плодомъ крупнаго административнаго и организаторскаго таланта Сперанскаго. [1])

Но, если устроенная Сперанскимъ административная система стала потомъ обильнымъ источникомъ бюрократизма, едва ли основательно приписывать всецѣло ему этотъ плачевный результатъ реформы и обвинять его въ такомъ фактѣ, который, помимо всякой другой причины, объяснялся всѣмъ складомъ русской жизни и былъ извѣстенъ до изложенной реформы нисколько не менѣе, чѣмъ и послѣ нея, выражаясь иногда въ самой рѣзкой формѣ. [2]).

Наконецъ, позднѣйшее развитіе министерствъ, дѣйствительно, совершилось далеко не на тѣхъ началахъ, какія были положены Сперанскимъ въ основу реформы, и не вина послѣдняго, если „отвѣтственность министровъ передъ Сенатомъ на дѣлѣ вышла призрачная". [3])

Высокую оцѣнку этого новаго огромнаго труда Сперанскаго даетъ Баронъ Корфъ въ своей книгѣ: „Жизнь гр. Сперанскаго". [4])

„Перемѣнялись царствованія, говоритъ онъ, перемѣнялись многократно люди и системы, передѣлывались всѣ уставы, старые и новые, а общее учрежденіе министерствъ полвѣка стоитъ неподвижно, не только въ главныхъ началахъ, но почти и во всѣхъ подробностяхъ, будто изданное вчера, хотя въ практическомъ приложеніи его къ каждому министерству порознь, даже и въ общемъ его дѣйствіи, оно развилось не на тѣхъ, можетъ быть, нитяхъ, которыя были приготовлены Сперанскимъ. Прибавимъ, что и всѣ тѣ организаціонныя работы, которыя впослѣдствіи были произведены у насъ другими, представляютъ постоянно сколокъ съ этого образцоваго творенія, не въ одной только мысли, но въ самомъ ея выраженіи, въ раздѣленіяхъ, почти въ словахъ". [5])

По словамъ барона Корфа, какъ бы мы ни смотрѣли на основную мысль этого произведенія Сперанскаго, оно, по стройности системы, по логической послѣдовательности ея развитія и необыкновеннымъ достоинствамъ изложенія, можетъ одно со-

---

[1]) Проф. В. О. Ключевскій „Курсъ лекцій по русской исторіи".
[2]) А. Н. Пыпинъ „Общ. движ. въ Россіи при Имп. Ал. I", стр. 140.
[3]) Ibid.
[4]) Бар. Корфъ „Жизнь гр. Сперанскаго", ч. I, стр. 121—128.
[5]) Ibid стр. 126.

ставить славу своего автора и могло справедливо быть предметомъ его гордости. [1])

Причины паденія Сперанскаго
(Заключеніе).

„Записки“ Вигеля имѣютъ историческую цѣну въ предѣлахъ интересующаго насъ вопроса не по внутреннему ихъ достоинству и не по краснорѣчивому изложенію въ нихъ индивидуальныхъ мыслей автора, но какъ искусная компиляція того, что онъ слышалъ вокругъ себя. Если, съ одной стороны, современники нашли въ нихъ выраженіе своего собственнаго темнаго неудовольствія, съ другой—нѣтъ сомнѣнія, что взаимно и та среда, въ которой Вигель жилъ, не могла остаться безъ широкаго на него вліянія.

Съ этой точки зрѣнія сужденія и отзывы автора „Записокъ“ о Сперанскомъ, какъ главномъ дѣйствующемъ лицѣ на аренѣ преобразовательной дѣятельности первой половины царствованія Имп. Александра I, представляютъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ виденъ злопамятный современникъ, который невольнымъ образомъ выдаетъ сокровенныя тайны своего времени.

Если мы согласимся допустить, что имя Вигеля—легіонъ, намъ будетъ понятна степень ненависти, подъ контролемъ которой Сперанскій жилъ и дѣйствовалъ, и какъ частный человѣкъ, и какъ государственный дѣятель.

Послѣ „Записокъ“ Вигеля становятся очевидны до осязательности долго служившія „неразрѣшимой загадкой“ причины катастрофы, постигшей Сперанскаго.

Указы о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на чины, вооружившіе противъ Сперанскаго придворную среду и огромную чиновничью массу, можно считать ключемъ, которымъ отмыкается „непонятная тайна“.

Нельзя не поражаться, что такія рѣшительныя мѣры были осуществлены, но нисколько не удивительно, что особенно оскорбленное ими дворянское сословіе наканунѣ дня нашествія Наполеона не могло удовольствоваться ничѣмъ меньшимъ, какъ

---

[1]) А. Н. Пыпинъ „Общ. движ. въ Россіи при Имп. Ал. I“, стр. 139—140.

паденіе того, кого считали главнымъ виновникомъ изданія указовъ.

Время изданія этихъ указовъ—періодъ наибольшей приближенности Сперанскаго къ Государю, и съ этой поры у него начинаютъ появляться враги, которые, оцѣнивая критически реформы съ личной точки зрѣнія, принимаются объяснять ихъ въ какомъ-то таинственномъ революціонномъ и измѣнническомъ духѣ.

„Когда сей зловѣщій духъ, говоритъ авторъ „Записокъ", показался на нашемъ горизонтѣ, никто его не понялъ; всѣ любили, ласкали его, дивились ему, даже гордились имъ, для всѣхъ онъ былъ надежа—Сперанскій. Только впослѣдствіи, когда воспарилъ онъ гораздо выше и заключился въ самомъ тѣсномъ кругу, когда онъ окружилъ себя какою-то таинственною, непроницаемою атмосферою, тогда только открылось поле для догадокъ и невыгодныхъ объ немъ толковъ". [1])

„Догадки и толки", о которыхъ идетъ рѣчь, были смѣлы и удивляли своею проницательностью.

Общественное настроеніе того времени не мало способствовало свободному фантазированію въ самомъ неблагопріятномъ для Сперанскаго смыслѣ.

Россія переживала тяжелое состояніе и томилась предчувствіемъ наступленія еще болѣе критическаго времени. Тильзитскій миръ, привлекшій Россію къ участію въ континентальной системѣ, пагубно отозвался на развитіи русской торговли и промышленности. Бюджетъ былъ поколебленъ почти непрерывнымъ рядомъ войнъ. Чрезмѣрный выпускъ ассигнацій (на сумму ок. 600 мил. руб.) понизилъ курсъ рубля до 33 коп. Огромный внѣшній долгъ (больше 100 мил. руб.) тяготѣлъ на государствѣ. Сперанскій, которому было поручено возстановить равновѣсіе бюджета, долженъ былъ прибѣгнуть къ крайнему средству, возвысивъ старые и установивъ новые налоги, которые легли тяжелымъ бременемъ на всѣ классы народа и вызвали всеобщій ропотъ. [2])

„Отъ всюду разсѣянныхъ и вездѣ возраставшихъ неудовольствій, говоритъ Вигель, чего могъ ожидать Сперанскій, если не смутъ, заговоровъ и возмущеній, въ виду торжествующаго Наполеона?" [3])

[1]) Виг. зап. II, I, 9 Ср. А. Н. Пыпинъ „Общ. движ. въ Россіи при Имп. Ал. I" стр. 144—145.

[2]) Проф. В. О. Ключевскій „Курсъ лекцій по русской исторіи".

[3]) Виг. Зап. III, VI, 71.

Вигель не объясняетъ, для исполненія какихъ плановъ Сперанскому нужны были „смуты и возмущенія“, и, бросая грязью въ чистую славу Сперанскаго, въ сущности не даетъ себѣ отчета.

Признавая Сперанскаго революціонеромъ, который стремился вооружить народъ противъ правительства, неразборчивая месть и легковѣрная близорукость Вигеля не останавливается даже передъ тѣмъ, чтобы запятнать его имя въ исторіи самымъ тяжкимъ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ.

„Сопровождая Александра въ Эрфуртъ, Сперанскій, по словамъ Вигеля, былъ очарованъ величіемъ Наполеона; замѣчено уже, что всѣ люди, изъ ничего высоко поднявшіеся, не смѣя завидовать избраннику счастія и славы, видѣли въ немъ свой образецъ и кумиръ и почтительнѣе другихъ ему поклонялись. Мало заботясь объ участи отечества, будучи увѣренъ, что Наполеонъ одолѣетъ насъ, могъ онъ отъ послѣдствій сей войны ожидать чего-то для себя полезнаго, могъ питать какія-нибудь неясныя надежды.... Какъ ни воздерженъ былъ онъ въ рѣчахъ своихъ, но пріятныхъ, сильныхъ ощущеній при имени нашего врага онъ скрывать не могъ. Въ безпокойствѣ духа, въ которомъ находился Государь, при ожиданіи великихъ событій, предался онъ подозрѣніямъ и рѣшился величію обстоятельствъ принести великую жертву. Вся Россія требовала ея, и на этотъ разъ только въ гласѣ народа послышался Александру гласъ Божій“. [1])

Что могли разумѣть Вигель и его современники подъ „неясными надеждами“ Сперанскаго?. „Можетъ быть, говоритъ Ѳ. М. Дмитріевъ, имъ представлялось, что Сперанскій, по завоеваніи Россіи Наполеономъ, надѣялся сдѣлаться его первымъ министромъ; или, можетъ быть, они воображали, что онъ разсчитывалъ даже получить отъ Наполеона въ какомъ-нибудь уголку Европы какое-нибудь владѣтельное княжество, тѣмъ болѣе, что высокое мнѣніе Наполеона о Сперанскомъ было довольно извѣстно“. Какое также понятіе надобно соединять съ словами Вигеля о „малой заботливости Сперанскаго о судьбахъ своего отечества“? Безпримѣрно-трудовая жизнь Сперанскаго, его самоотверженная дѣятельность на благо Россіи—не самое ли краснорѣчивое опроверженіе беззастѣнчивой несправедливости словъ Вигеля?.

[1]) Виг. Зап. IV, III, 34.

Извѣстіе о паденіи Сперанскаго застало Вигеля въ Пензѣ. Тѣмъ болѣе любопытно знать, съ какимъ глубоко-праздничнымъ чувствомъ оно было встрѣчено даже въ такой провинціальной глуши, какъ Пенза.

„Первая важная вѣсть, которую получили мы въ концѣ марта, разсказываетъ Вигель, была о неожиданной отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго *); но эта вѣсть громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человѣкъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единаго изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіе многихъ лѣтъ трудился въ тишинѣ своего кабинета. Но на кабинетъ сей смотрѣли всѣ, какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли, наконецъ, глаза обманутому Государю; только дивились милосердію его и роптали. Какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ!... Сію мѣру... торжествовали, какъ первую побѣду надъ французами. Многіе, помню, приходили меня съ этимъ поздравлять, и, виноватъ, я принималъ поздравленія". [1])

Настоящая причина этой радости понятна: для массы Вигелей она состояла въ вѣроятной надеждѣ достигнуть, наконецъ, штатнаго мѣста. Глубина этой радости показываетъ, какими чувствами было проникнуто цѣлое важнѣйшее въ государствѣ сословіе къ Сперанскому.

На основаніи „Записокъ" Вигеля, по словамъ Ѳ. М. Дмитріева, „становится положительно ясно, что, кромѣ интриги и необходимаго, по обстоятельствамъ времени, удовлетворенія безчисленныхъ обиженныхъ самолюбій, въ паденіи Сперанскаго не лежитъ никакой особенной тайны". [2]) Императоръ Александръ I рѣшилъ „принести Сперанскаго въ жертву общественному мнѣнію, привлечь къ себѣ такимъ путемъ симпатіи

*) День паденія Сперанскаго—17-е марта 1812 года.

[1]) Виг. Зап. IV, III, 33. Ср. А. Н. Пыпинъ „Общ. движ. въ Россіи при Имп. Ал. I", стр. 147.

[2]) Ѳ. М. Дмитріевъ „Сперанскій и его государственная дѣятельность".

дворянства и создать необходимый для войны патріотическій подъемъ". [1])

Къ Сперанскому еще вѣрнѣе можно приложить слова поэта, обращенныя имъ къ другому дѣятелю той же эпохи, который также понесъ за совершенный имъ подвигъ незаслуженную кару общественнаго мнѣнія; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ,—

....Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье. [2])

[1]) „Русское слово" 1912 г. № 64.
[2]) Слова А. С. Пушкина о Барклаѣ-де-Толли—въ стихотв. „Полководецъ".

Содержаніе.

